

Кирилл Шишкин

ОСВОБОЖДЕНИЕ-2

Кирилл Шишкин
Освобождение-2

«Издательские решения»

Шишкин К.

Освобождение-2 / К. Шишкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965478-6

Действие романа происходит в 1941 году. Советский Союз наносит упреждающий удар по сосредоточенным у его границ войскам Германии. В основу сюжета положены реальные предвоенные планы СССР, на сегодняшний день находящиеся в открытом доступе. Все персонажи романа имеют реальных прототипов, и, хоть и немного иначе, но повторяют их судьбу в реальной жизни. Стилль романа сознательно во многом напоминает текст сценария киноэпопеи «Освобождение».

ISBN 978-5-44-965478-6

© Шишкин К.
© Издательские решения

Содержание

Вместо эпитафии	6
ОСВОБОЖДЕНИЕ-2	7
12 июня 1941 года. 2 часа 00 минут. 40 км южнее Сокаль	7
2 часа 30 минут. Тарнополь. Штаб Юго-Западного фронта	8
2 часа 45 минут. Москва. Кремль	9
3 часа 15 минут. Штаб Западного фронта	10
3 часа 20 минут. Белосток	11
5 часов 40 минут. Тарнополь. Штаб Юго-Западного фронта	13
7 часов 30 минут. Южнее Сокаль	14
15 часов 10 минут. Лондон. Резиденция премьер-министра	17
Обращение товарища Сталина к советскому народу	18
ПОСТАНОВЛЕНИЕ СНК СССР и ЦК ВКП (б)	19
ПОСТАНОВЛЕНИЕ СНК СССР и ЦК ВКП (б)	20
16 часов 40 минут. 50 км западнее Варшавы	21
16 часов 50 минут. Лондон. Резиденция премьер-министра	22
18 часов 00 минут. Берлин	24
22 часа 30 минут. Берлин. Рейхсканцелярия	25
13 июня. 3 часа 15 минут. Кремль	26
15 июня. Штаб Юго-Западного фронта	27
Штаб 1-го дальнебомбардировочного авиационного корпуса	28
5 часов 30 минут. Кречевцы. Аэродром 40-й дальнебомбардировочной авиадивизии	29
16 июня. Мост через Вислу, недалеко от Кракова	30
Штаб Юго-Западного фронта	36
Штаб группы армий «Юг»	39
Хостинь. Аэродром 3-й истребительной эскадры	40
Кречевцы. Аэродром 40-й дальнебомбардировочной авиадивизии	41
ПРИКАЗ Народного Комиссара обороны СССР	42
18 часов 10 минут. Берлин. Рейхсканцелярия	43
19 час 30 минут. Мост через Вислу, недалеко от Кракова	45
17 июня. 2 часа 15 минут. Штаб Юго-Западного фронта	51
3 часа 20 минут. Кречевцы. Аэродром 40-й дальнебомбардировочной авиадивизии	53
5 часов 30 минут. Мост через Вислу, недалеко от Кракова	54
18 часов 05 минут. Лондон	59
21 час 15 минут. Севернее Кракова	61
Из дневника начальника генерального штаба сухопутных сил Гальдера	62
18 июня. 11 часов 30 минут. Севернее Кракова	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Освобождение-2

Кирилл Шишкин

© Кирилл Шишкин, 2019

ISBN 978-5-4496-5478-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо эпиграфа

Где-то в далекой-далекой галактике, в другом времени и измерении, жили люди.

Они были такие же, как мы. Они носили такую же одежду и жили в таких же домах. Они ходили по улицам с такими же названиями и покупали в таких же магазинах точно такие же подарки. И праздники, в которые они дарили друг другу эти подарки, назывались точно так же и приходились на те же самые дни.

Они так же любили и так же умирали, когда наступал их черед.

И у этих людей была точно такая же история.

Они тоже изобрели огонь и построили пирамиды. Они распяли Иисуса Христа, они разрушили Рим, завоевали новый громадный континент, уничтожив сотни тысяч индейцев и бизонов, они придумали двигатель внутреннего сгорания, и поднялись в воздух на аппаратах тяжелее воздуха.

Все они делали так же, как мы и тогда же, когда и мы.

Но вот наступил момент и что-то пошло по-другому. Как будто к дирижерскому пультам пришел совсем другой человек, или ноты перед ним кто-то по ошибке выложил другие. И произошел сбой, сначала всего лишь на миллиардную долю секунды. Но этот сбой повел за собой следующий, и миллиардные доли стали складываться в миллионные, затем тысячные, затем сотые. И наши пути, столь одинаковые до этого, разошлись. И оказалось, что может быть другая жизнь, другая любовь и другая смерть, другая судьба, от которой тоже не уйдешь.

И они прожили совсем другую жизнь, совершенно не похожую на ту, которую прожили мы. Кому-то не удалось достичь вершин славы, таких, какие достались бы на его долю, если бы все продолжалось, так, как и у нас. А кто-то, наоборот, совершил то, что не удалось бы ему при другом раскладе.

Но вот что удивительно. И там, и здесь, трус остался трусом, а герой – героем, хотя, может быть, трусость одного заметили гораздо меньше людей, а про героизм другого никто не узнал. И там, и здесь подлость и доброта, жадность и гордость, страх и преданность остались теми же что и нашем мире.

И в том, и в этом мире те двое, кому предназначено встретиться – встретятся и обретут любовь на миг или на вечность, что, в конце концов, одно и то же. Ибо любовь, мелькнувшая искрой хоть на миг между двумя сердцами – это уже вечность...

ОСВОБОЖДЕНИЕ-2

12 июня 1941 года. 2 часа 00 минут. 40 км южнее Сокаль

Опушка леса, которую пересекает грунтовая дорога. Из кустов выскакивает заяц, преследуемой лисой. Петляя, звери носятся по траве. Вдруг раздается лязг металла. Звери в испуге исчезают. Из люка танка КВ-1, притаившегося в высоких кустах, высовывается веснушчатый сержант Колесов. Обращается к сидящему на башне командиру – младшему лейтенанту Озерову:

– Товарищ младший лейтенант...

– Что тебе, Колесов?

– А как вы думаете, это опять учения или...?

– Что или..., Колесов?

– Может быть, война, товарищ младший лейтенант?

– А чего гадать-то Колесов! Через два часа ты все узнаешь!

– Так интересно же.

– А какая тебе разница, Колесов, от нас уже ничего не зависит. Угощайся... – протягивает открытый портсигар.

– Спасибо, товарищ младший лейтенант. А как же не думать, не гадать? Война – это не шутка.

Слышится шум мотора подъезжающей машины. Вскоре становится виден свет фар. Появляются две легковушки. Останавливаются неподалеку от спрятанных на опушке танков. Из головной выходит командир 4-го мехкорпуса генерал-майор Власов. Высокий, даже длинный, немного нескладный для военного, в очках, придающих ему вид сугубо гражданского человека. В сопровождении нескольких человек идет к танкам. Навстречу прибывшим выбегает комбат.

– Товарищ генерал-майор, 1-й батальон 16-го танкового полка находится на исходной позиции. Командир батальона майор Рябинцев.

– Как настроение, майор? – спрашивает Власов

– Боевое, товарищ генерал!

– Боевое? Это хорошо... – Власов кивает комбату и идет по полю в сторону небольшого пригорка метрах в пятидесяти. Поднимается и смотрит.

Все догадываются, куда он смотрит. Там в нескольких километрах граница. В темноте все равно ничего не видно, но генерал ещё долго стоит и жадно ловит ноздрями легкий ветерок, тянущий «оттуда». Затем возвращается к стоящим на прежнем месте командирам.

– Боевое, говоришь? – переспрашивает он майора. – Ну-ну...

И, не дожидаясь ответа, уходит к машинам.

Сидящий на башне Озеров говорит сержанту Колесову:

– Знаешь, Миша. Это, похоже, не учения. Это, Миша, война.

2 часа 30 минут. Тарнополь. Штаб Юго-Западного фронта

В комнате за столом сидят командующий фронтом генерал-лейтенант Кирпонос и член Военного Совета фронта корпусной комиссар Ващугин. Пьют крепко заваренный чай, деликатно похрустывая печеньем. У окна стоит, глядя в темноту, начальник Генерального штаба генерал армии Жуков.

Стук в дверь. Входит начальник штаба генерал-майор Пуркаев.

– Ну, что у тебя нового, Максим Алексеевич? – спрашивает Кирпонос.

– Ничего, Михаил Петрович. Теперь уже осталось только ждать, – отвечает Пуркаев.

– А на той стороне что? – Жуков отворачивается от окна и пристально вглядывается в лицо начштаба.

– Ничего подозрительного, Георгий Константинович.

– Неужели спят?

– Тишина, Георгий Константинович.

– Тишина... Не верю! Давно запрашивали?

– Последние сообщения – полчаса назад.

– Иди, запроси ещё.

Пуркаев выходит на улицу. У двери – не шелохнувшийся часовой, невдалеке, привалившись плечом к небольшой березке, покуривает вестовой. При виде генерала он гасит, посплюнявив пальцы, окурок, выжидающе замирает. Пуркаев машет рукой, приглашая бойца следовать за собой. Командный пункт расположен в бывшем военном городке. Десятка полтора одноэтажных домиков прячутся в зелени деревьев. Окна затемнены. Генерал безошибочно выбирает один из домиков, заходит. Это обитель начальника оперативного отдела штаба полковника Баграмяна. Стол завален картами и бумагами, но участок перед Баграмяном расчищен. На свободном клочке стоит стакан с чаем в серебряном подстаканнике, и тарелка с бутербродами.

– Ну что, Максим Алексеевич?

– Нервничают, Иван Христофорович.

– Оно и понятно. Кто ж тут не будет нервничать. Что говорят?

– Ничего существенного. У тебя что нового?

– А что сейчас нового может быть? Все готово, все на местах, осталось – ждать. Я бы вообще лег поспать на часок, уже вторые сутки без сна. Надоела мне эта нервотрепка. Садитесь лучше, Максим Алексеевич, попьем чайку, закусим. Когда еще удастся спокойно посидеть. Все уже делается, а оттого, что мы суетимся, ничего не изменится.

– Завидую я твоему спокойствию. Крепкие у тебя нервы.

– Это у меня не нервы крепкие. Это я просто устал как черт. И нервничать тоже устал.

2 часа 45 минут. Москва. Кремль

По кабинету ходит Сталин с потухшей трубкой в руке. За столом расположились Шапошников, Буденный, Ворошилов, Берия, Молотов.

Лицо Берия непроницаемо, Ворошилов как будто хочет рассказать что-то смешное, но понимает серьезность момента и сдерживается, лицо Молотова выражает откровенную скуку. Буденный поглаживает усы и явно пытается подавить зевок. Шапошников делает вид, что изучает карту. Сталин смотрит на часы на стене, подходит к своему столу и нажимает кнопку. Появляется Поскребышев.

– Осталось полчаса, – говорит Сталин. – Подтвердите готовность командующим фронтами.

3 часа 15 минут. Штаб Западного фронта

Друг против друга, как шахматисты, облокотившись локтями о стол, сидят нарком обороны Тимошенко и командующий фронтом генерал армии Павлов.

Звонит телефон ВЧ. Павлов берет трубку

– Да... Знаю, у меня тоже часы есть... Значит, самолеты в воздух!

Кладет трубку, смотрит на Тимошенко.

– Вот и началось...

3 часа 20 минут. Белосток

Летчики 124-го истребительного полка бегут к машинам. Один за другим новенькие МиГ-3 поднимаются в только начинающее светлеть небо, выстраиваются в боевой порядок и берут курс к границе.

Тысячи самолетов пересекают границу и начинают бомбить немецкие аэродромы, расположение частей и штабов, железнодорожные узлы, мосты. По немецким войскам, сконцентрированным у границы, наносит удары советская артиллерия.

Отовсюду слышен рев моторов и лязг гусениц. Из всех перелесков, тянувшихся вдоль границы, выбираются танки. Выстраиваясь в колонны, они двигаются на запад, обгоняя пехоту. Советские войска пересекают границу и вторгаются в расположение передовых немецких частей. Немцы только проснулись и выскакивают из домов, попадая под уже ползущие по улицам русские танки.

Немецкий аэродром бомбит советская авиация. Море огня. Несколько летчиков Лютваффе, полуодетых, бегут к уцелевшим «Мессершмитам-109». На брющем проносится И-16, поливая бегущих из пулеметов. Падают убитые и раненые. До истребителей добираются двое. Раскручиваются пропеллеры, мессер идут на взлет. К ним сзади пристраиваются два И-16. Как только мессершмиты отрываются от земли, советские истребители открывают огонь. Левый мессер резко клюет носом и исчезает в огненном облаке, правый уходит на вираж и отрывается от противника. Летчик задирает нос самолета, стремительно набирая высоту. За ним пристраивается ещё два И-16, но догнать не могут. Мессершмит уходит от преследователей, разворачивается и летит к аэродрому. Летчик видит группу советских бомбардировщиков, делающих очередной заход на аэродром, и решает перехватить их. Приблизившись на расстояние прицельной стрельбы, пилот нажимает гашетку. Пулеметы молчат – закончились патроны. В хвост его машины уже заходят два МиГа. Немец грязно ругается и направляет свой истребитель на русский бомбардировщик. Самолеты, столкнувшись, пропадают в огненном облаке.

В это время с аэродрома взлетают ещё два мессершмита, им удается оторваться от преследующих их И-16, потом они разворачиваются и атакуют бомбардировщики. Один, затем второй СБ охватывает пламя. Подспевают советские истребители. Начинается настоящая карусель – два мессершмита и восемь МиГов сплетаются в клубок. Меньше чем через минуту один немецкий и три советских истребителя, охваченные пламенем, падают в лес. Последний немец сбивает ещё один МиГ, и у него кончаются патроны. Маневрируя, он приближается к группе советских бомбардировщиков, собираясь идти на таран. Лицо немецкого летчика заливают кровь, он с трудом через разбитое стекло фонаря кабины замечает заходящую на аэродром тройку СБ. Но сзади его догоняют два МиГа, и немецкий самолет, объятый пламенем, падает.

Деревянный мост через небольшую пограничную речку. Кроме кваканья лягушек, полная тишина. На брющем проносится звено советских самолетов.

Из кустов выскакивают красноармейцы во главе с молодым лейтенантом и бегут через мост. Им остается несколько шагов до вражеского берега, когда раздаётся первый выстрел. Пуля попадает лейтенанту в ногу, он падает на колено, следующий выстрел превращает в кровавую маску лицо. Пулеметная очередь встречает атакующих: один из бойцов роняет винтовку и повисает на перилах моста. Другого, круглолицего конопатого парня, от ударов пуль отбрасывает на бегущего сзади усатого старшину. Тот отталкивает от себя труп и прыгает через перила в реку. Следующая очередь скашивает ещё троих бойцов. Остальные падают на настил

моста, пытаясь укрыться от пуль за трупами. Стоящий по колени в воде в двух метрах от берега старшина, бросает в кусты, откуда стреляет пулемет, ручную гранату. Взрыв.

Метрах в ста за мостом из-за деревьев появляются пять плавающих танков Т-38 и на полном ходу плюхаются в реку. Четыре быстро переправляются на другой берег, один, видимо, неисправен и застревает посередине. Речка в этом месте неглубока, из торчащей над поверхностью башни вылезают двое танкистов и спрыгивают в воду.

Бойцы бегут на берег. За кустами немецкий окоп. По краям мешки с песком, перевернутый взрывом ручной пулемет и два немца. Один убит, второй ещё жив – корчится, держась за живот. Из перелеска к окопу бежит десяток вражеских солдат. Начинается стрельба, потом рукопашная. Не дожидаясь конца схватки, группа бойцов во главе со старшиной бросаются сквозь небольшой перелесок и оказываются на опушке.

Впереди поле, за ним метрах в двухстах аккуратные домики небольшого поселка. Оттуда через поле в сторону границы спешат немецкие солдаты. Многие на ходу одеваются. Советские бойцы, прячась за деревьями, открывают по ним огонь из винтовок. Немцы отвечают.

Ломая кустарник, из перелеска выскакивают переправившиеся через речку советские танки, огнем из пулеметов начинают косить немцев, те бегут обратно. Следом за танками в сторону домов устремляются красноармейцы.

5 часов 40 минут. Тарнополь. Штаб Юго-Западного фронта

В комнате Жуков и Кирпонос. Стук в дверь, входит дежурный офицер, докладывает:

– Товарищ генерал армии, командарм-6.

Жуков берет трубку:

– Ну что у тебя там, Иван Николаевич?

Докладывает командующий 6-й армией генерал-лейтенант Музыченко.

– По всей границе передовые отряды ведут бой. Сопrotивление слабое, проспали они нас, Георгий Константинович. Авиация отбомбилась удачно, потери минимальные, сейчас уточняем. Ввел в дело шестой корпус.

– Когда Власова пускаешь?

– Ввожу его корпус на левом фланге у Алексеева, на участке 41-й стрелковой.

7 часов 30 минут. Южнее Сокаль

Колонна танков КВ 4-го механизированного корпуса движется по дороге, обгоняя колонны пехоты и артиллерии. Пехотинцы, в клубах пыли, поднятой танками, ругаются на танкистов. Сидящие на башнях танкисты только смеются.

– Давай, ребята, догоняй, а то на вас немцев не хватит.

В головном танке в башне сидит младший лейтенант Озеров. Из люка вылезает сержант Колесов.

– Ну что Миша, страшно?

– А вам товарищ младший лейтенант?

– Ну, дай бог эта железка не подведет, – похлопывает по броне.

Танки обгоняют пехоту. Подходят к лесу. Навстречу им появляется группа мотоциклистов разведроты. С головного мотоцикла слезает лейтенант и подбегает к танку Озерова.

– Лейтенант, тут лесок метров на триста. За ним деревня, там немцы. Наша авиация, похоже, поработала на славу.

– Немцев-то много?

– Мы туда не совались, подходы больно открытые.

– Жить хочется?

– Да хотелось бы. Вы с вашей броней там пройдете. Наверное,

– Хорошие перспективы. Поехали.

Небольшой поселок, сильно разрушенный советской авиацией. Многие дома горят, на улицах трупы, разбитые машины. Из леса появляются советские танки, быстро преодолевают небольшое поле и врываются в поселок. Немцы ведут беспорядочный огонь из стрелкового оружия.

Танк Озерова первым въезжает на единственную улицу. Как только он появляется, две 37-ми миллиметровые противотанковые пушки, спрятанные за оградой одного из домов метрах в двухстах, открывают огонь. Они успевают выпустить несколько снарядов, которые отскакивают от лобовой брони КВ, не причиняя ему вреда. С другой стороны, в поселок врывается ещё один КВ, ломает ограду и давит пушки.

За поселком на невысоком пригорке немецкая зенитная батарея 88-мм пушек. Из четырех орудий три разбиты после налета советской авиации, возле четвертого возятся пятеро немцев. Поселок им виден как на ладони. По улицам движутся танки КВ. Немецкое орудие стреляет, поражает КВ в борт. Танк охватывает пламя. Следующий выстрел поражает второй КВ, в нем взрывается боезапас, башня взлетает на десяток метров вверх. Идущий впереди КВ скрывается за домом. Немцы наводят орудие, ожидая, когда танк появится из-за дома. Вот уже виден ствол пушки.

В это время позади зенитчиков появляется группа советских мотоциклистов. С головного мотоцикла дают пулеметную очередь. Трое из пяти немцев падают убитые и раненые, двое прячутся за орудием.

Танк Озерова останавливается на краю поселка. Впереди дорога уходит в лес, начинающийся метрах в трехстах. Между и лесом – поля, чем-то засеянные. Неподалеку посреди дороги разбитая легковая машина, чуть дальше брошенный велосипед и рядом несколько троп в немецкой форме.

Озеров открывает люк и высовывает голову. Немцев не видно. Бой в поселке затих, не слышно ни выстрелов, ни взрывов. Высоко над головой крутятся, выписывая сложные фигуры, три самолета, доносится слабый треск их пулеметов.

Озеров и вылезший из соседнего люка наводчик Колесов, подняв головы, следят за воздушным боем. Из остановившихся сзади них танков вылезают другие танкисты. Синие комбинезоны вымазаны черным машинным маслом, лица закопченные, грязные.

Один из самолетов пускает черный шлейф дыма и начинает падать. Он проходит совсем недалеко от наблюдавших танкистов, так что можно различить черные кресты на крыльях и рушится в лес. Над деревьями поднимается столб пламени и дыма, по форме напоминающий гриб.

– Ура, – кричат танкисты.

Советские истребители описывают широкий круг, и улетают домой. Они еще не скрылись с глаз наблюдающих за ними танкистов, как из-за леса у них за спиной появляются советские истребители И-16 с широким «лбом» мотора. Самолеты идут над самыми макушками деревьев, их много, слева и справа, насколько видно, еще одна волна, за ней третья. Они проходят над самыми головами танкистов, оглушая их ревом моторов. Видны не только звезды на крыльях, но и подвешенные под крыльями реактивные снаряды – по три штуки с каждой стороны.

Озеров трясет головой, как будто избавляясь от грохота в ушах, и поворачивается к стоявшим сзади машин его взвода.

– Пока остановимся здесь.

Он спрыгивает на землю и показывает дорогу. КВ задним ходом въезжает в какой-то двор, предварительно снеся невысокий выкрашенный в зеленый цвет деревянный забор, и встает среди садовых деревьев. Остальные танки тоже стали заезжать в соседние дворы.

Немного в стороне от дороги притулилась перевернутая упряжка с немецкой пехотной гаубицей. От гаубицы отлетело колесо, весь передок разбит в щепки. Трупы лошадей лежат, запутавшись в постромках. Одна лошадь жива, пытается встать, смотря на людей грустными просящими глазами.

– Товарищ лейтенант, – произносит один из танкистов, – может, пристрелить лошадку-то?! Мучается ведь.

– А почему пристрелить? – Озеров подходит поближе, – Она ведь вроде и не ранена. Смотри, запуталась просто, и придавили ее. Зачем же стрелять. Славное животное. Посмотри, какие у нее глаза. Стрелять в немцев надо, а лошадь-то хоть и немецкая, но она же в этом не виновата. Эй, – он поворачивается в сторону своих танков, – Ребята, давайте сюда!

К командиру подбегают несколько танкистов.

– Ну-ка, давайте лошадь освободим!

Шестеро танкистов оттаскивают мертвых лошадей, обрезают постромки, и спасенное животное поднимается на ноги. На нем действительно не видно следов ранений. Лошадь не пытается удрать, и казалось, с благодарностью смотрит на своих спасителей. Озеров подходит к ней, достает из планшета кусок хлеба и кормит. Мягкие губы осторожно берут краюху и тычутся лейтенанту в плечо. Он гладит шею бедолаги.

– Давай, лошадь, иди отсюда, – Озеров даже смущается от такого проявления чувств, – Иди, не место тебе здесь.

Он хлопает ее по холке, и лошадь, как будто поняв его, неторопливо бредет по улице.

– Ну, все, – приструнивает Озеров стоявших вокруг, – Цирк окончен, сделали доброе дело, теперь по машинам.

Он подходит к своему танку. Вылезший из танка экипаж осматривает машину. Вся лобовая броня в щербинах, видимо, от пуль противотанковых ружей и осколков снарядов. Есть и несколько следов посolidнее, от попаданий бронебойных снарядов небольшого калибра.

– Ну что, держит броня? – громко и весело спрашивает лейтенант.

– Так точно, товарищ командир, – отвечает механик-водитель ефрейтор Махотин, – Сколько в нас не попадали и вон только что. Комариные укусы.

– Укусы, – недовольно ворчит стрелок-радист Павлов, – Видел, что от семерки осталось? Башню снесло и весь экипаж погиб. И у Осадченко танк сгорел.

– Ладно, не наводи тоску, – машет рукой Махотин, – Мы слава богу живы. У нас, может, командир толковее, – он смотрит на Озерова и подмигивает ему.

Озеров смеется. Его водитель лицом походит на негра, только глаза светятся, и подмигивание выглядит комично.

На улице с грохотом останавливается КВ, из него вылезает командир роты капитан Ряхин и подходит к ним.

– Озеров, ты что тут прохлаждаешься?

– Так, товарищ капитан, приказано взять деревню и встать у околицы, – вытягивается лейтенант.

– Правильно приказано, только какого черта вы все повысовывались? Пулю захотели получить? Экипаж должен быть в танке. А то по поселку немцы еще ползают. Понял?

– Так точно.

– Если понял, значит сидишь здесь и ждешь приказа.

15 часов 10 минут. Лондон. Резиденция премьер-министра

Уинстон Черчилль с сигарой во рту сидит в кресле. Напротив сидят члены военного кабинета: Галифакс, Синклер, Антони Иден, Александер

– Мне кажется, – говорит Черчилль, – что наши проблемы с Германией, теперь можно отодвинуть на второй план. Кажется, Гитлеру в ближайшее время будет совсем не до нас. И это хорошо. У нас будет время спокойно подумать.

– Сэр, а вы не боитесь, что через некоторое время у нас могут возникнуть другие проблемы.

– Вы хотите сказать, что через некоторое время с той стороны Ла Манша будут стоять русские армии?

– Да, сэр.

– Я давно предполагал и стремился к такому развитию событий. Возможно, то, что произошло сегодня, действительно не стоит рассматривать как победу нашей дипломатии, но пока еще рано говорить. Развитие событий может оказаться таким не предсказуемым, что вряд ли хоть кто-нибудь сегодня возьмется предсказать будущее хотя бы на год вперед. Я лично не возьмусь.

Обращение товарища Сталина к советскому народу

Граждане и гражданки Советского Союза!

Уже не первый год идет Мировая империалистическая война, развязанная немецкими фашистами. Полное бессилие буржуазных правительств остановить кровопролитие полностью доказано, теперь почти все европейские страны покорены Германией или встали на путь сотрудничества с фашистами.

Советский Союз неуклонно придерживался политике мира. Но война докатилась и до наших границ. Советскому правительству стало известно о планах нападения Германии на СССР, несмотря на заключенный между нашими странами Пакт о ненападении. В этих условиях Советское правительство не могло не предпринять ответных мер.

Сегодня правительство СССР объявило Германии войну. По приказу правительства Красная армия и флот сегодня в четыре часа утра нанесли удар по изготовившимся к коварному нападению на наши границы германским войскам.

Советский Союз не ставит перед собой захватнических целей. Наша цель укрепление мира и безопасности в Европе и освобождение покоренных народов от фашистского гнета.

Наше дело правое. Победа будет за нами.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СНК СССР И ЦК ВКП (б) «О ВВОДЕ В ДЕЙСТВИЕ МОБИЛИЗАЦИОННОГО ПЛАНА ПО БОЕПРИПАСАМ»

12 июня 1941 г.

Строго секретно

Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП (б) постановляют:

1. Обязать Наркоматы: НКО, Наркомбоеприпасов, Наркомвооружения, Наркомсудпром, Наркомтяжмаш, Наркомстанкопром, Наркомсредмаш, Наркомобщемаш, Наркомавиапром, Наркомморфлот, Наркомчермет, Наркомречфлот, Наркомвнудел СССР, Наркомпуть, Наркомтекстиль, Наркомэлектропром, Наркомцветмет, Наркомзем СССР, Наркомсовхозов СССР, Наркомхимпром, Наркомуголь, Наркомнефть, Наркомстрой, Наркомлес СССР, Наркомторг, Наркомрыбпром, Наркомзаг, Наркоммясомолпром СССР, Наркомпищепром СССР, Наркомбумпром, Наркомсвязи; Наркомстройматериалов СССР, Совнарком РСФСР, Наркомхоз РСФСР, Наркомместпром РСФСР, Наркомсобес РСФСР, Управление Промкооперации при Совнаркоме РСФСР, Моссовет, Совнарком УССР, Наркомместпром УССР, Укомпромсовет, Наркомсобес УССР, Совнарком БССР, Наркомместпром БССР – немедленно ввести в действие мобилизационный план по боеприпасам и патронам, утвержденный постановлениями Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) №№1509 – 620сс/ов, 1510 – 621сс и 1511 – 622сс от 6 июня 1941 г.

2. Разрешить наркоматам разбронировать мобзапасы спецприспособлений и инструмента на заводах, переведенных на выполнение мобплана по элементам боеприпасов и патронам.

3. Обязать Наркомат путей сообщения обеспечить внеочередную подачу вагонов под материалы и оборудование, идущие на изготовление боеприпасов и патронов, приравняв их к воинским перевозкам.

4. Госплану СССР в двухдневный срок представить мобилизационный народнохозяйственный план III квартала, взамен утвержденного Совнаркомом СССР от 1 июня 1941 г.

5. Освободить рабочих и инженерно-технических работников заводов Наркомата боеприпасов от призыва по мобилизации.

6. Разрешить заводам, занятым изготовлением элементов боеприпасов и патронов, применять обязательные сверхурочные часы до 3 часов в смену, а также применять обязательную работу в воскресные дни.

7. Обязать наркомов, председателей СНК союзных республик и секретарей областных и краевых комитетов, на предприятиях которых изготавливаются элементы боеприпасов, еженедельно представлять в Совнарком СССР сводки о ходе выполнения мобплана со следующими данными:

- а) название предприятия;
- б) квартальное задание;
- в) сдача военпреду по состоянию на 10, 20 и 1 число каждого месяца (нарастающим итогом).

Первый отчет представить по состоянию на 1 июля 1941 г.

Председатель СНК Союза ССР

Генеральный секретарь ЦК ВКП (б) И. Сталин

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ СНК СССР И ЦК ВКП (б)
«О СТАВКЕ ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОЮЗА ССР»**

12 июня 1941 г.

Совершенно секретно Особая папка

Не для опубликования

Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП (б) ПОСТАНОВЛЯЮТ:

Создать Ставку Главного Командования Вооруженных Сил Союза ССР в составе тт. Председателя СНК Союза ССР Сталина (председатель), Наркома обороны Маршала Тимошенко, начальника Генштаба Жукова, Молотова, Маршала Ворошилова, Маршала Буденного и Наркома Военно-морского Флота адмирала Кузнецова.

При Ставке организовать институт постоянных советников Ставки в составе тт. Маршала Кулика, Маршала Шапошникова, Мерецкова, начальника Военно-Воздушных Сил Жигарева, Ватутина, начальника ПВО Воронова, Микояна, Кагановича, Берия, Вознесенского, Жданова, Маленкова, Мехлиса.

Председатель Совнаркома СССР,
Генеральный секретарь ЦК ВКП (б) И. Сталин

16 часов 40 минут. 50 км западнее Варшавы

Волной идут советские бомбардировщики. В основном ДБ-3, среди них отдельные группы ТБ-3.

Появляется одинокий мессершмит-109. Он открывает огонь по советским бомбардировщикам. Один из ДБ-3 поврежден, из левого двигателя валит дым. Самолет начинает резко снижаться. В это время поспевают советские истребители. Начинается бой – один немец против шести МиГов. Через несколько мгновений мессер загорается и падает. Задетый очередь, МиГ, уходя от немца, не справляется с управлением и врывается в строй бомбардировщиков. МиГ сталкивается с ДБ-3 и исчезает в огне, еще один ДБ-3 резко уклоняется в сторону, и сталкивается с летящим рядом. Еще один факел.

От самолетов отрываются черные точки, через секунды над каждой раскрывается парашют. Вскоре все видимое пространство покрыто куполами. Десантники приземляются в полях, некоторые – в лесу и повисают на деревьях, кто-то попадает в небольшую речку. Сворачивают парашюты, собираются в группы, разыскивая своих. Один из парашютистов приземляется в метре от берега речушки, ругаясь, стоя по колено в воде, отстегивает парашют. Это командир 214-й бригады полковник Левашов. К нему бегут несколько приземлившихся раньше командиров.

– Как вы, товарищ полковник?

– Ничего, давай ребята, вперед. Где тут у них Варшава?

Десантники бегут к виднеющемуся вдалеке селу. Там расположилась какая-то тыловая часть. Стоят запряженные лошадьми нагруженные ящиками повозки, возле них суетятся немецкие солдаты. Одни пытаются увезти повозки, другие хватаются за винтовки и занимают оборону, третьи спасаются бегством.

Десантники врываются в деревню, пытающиеся сопротивляться немцы, перебиты, лишь несколько человек успевают сдать в плен. Из домов выглядывают женщины и дети. Один из бойцов подбегает к пожилой женщине, смотрящей на улицу из-за приоткрытой двери. Жестами показывает ей, что хочет пить. Она выносит ему на крыльцо ведро с водой и чашку. Боец жадно пьет, к нему подбегают его товарищи, за ними еще и еще, и через минуту ведро пустеет. Десантники бегут дальше, но один из них остановившись смотрит на старую польку, на пустое ведро... Берет ведро, подходит к колодцу, достает воды и ставит полное ведро перед женщиной.

– Спасибо вам большое, – говорит он, – От всей Красной Армии спасибо, – и бежит догонять товарищей.

16 часов 50 минут. Лондон. Резиденция премьер-министра

В кабинет входит посол Советского Союза в Великобритании Майский.

– Здравствуйте, господин премьер-министр.

– Здравствуйте, господин посол. Прошу садиться. Приношу извинения, что не смог принять вас утром. Я уезжал на уик-энд и вернулся лишь недавно. Я вас слушаю.

– Советское правительство заявляет о том, что в связи с известиями о готовящемся нападении Германии на Советский Союз оно было вынуждено принять самые решительные меры. Наше правительство неоднократно предлагало другим европейским государствам объединить усилия в борьбе с фашизмом. К сожалению, наши призывы не были услышаны, и это привело к трагедии оккупации многих стран. Мы считаем, что такое положение в Европе не может продолжаться. Поэтому Советский Союз объявил Германии войну и начал военные действия против этого государства. Мы полагаем, что вступление СССР в войну против фашизма – серьезный шаг к победе над ним, и шаг этот будет встречен с одобрением народом Вашей страны. Особенно учитывая сегодняшнее положение Великобритании, когда практически все ее союзники в борьбе с фашизмом разгромлены. Советское правительство предлагает в самые кратчайшие сроки рассмотреть возможность координации действий наших стран, так как полное уничтожение фашистской Германии возможно только при полном объединении всех миролюбивых сил.

– Я хочу заверить вас, господин посол, что действия Советского Союза встречены с удовлетворением всем английским обществом. Уже некоторое время, как вы совершенно правильно заметили, Великобритания в полном одиночестве ведет борьбу с Германией и Италией. Вступление в войну Советского Союза значительно облегчит наше положение и позволит надеяться на восстановление в Европе мира и порядка. Я в самое ближайшее время внесу на рассмотрение кабинета вопрос о координации действий между нашими странами в борьбе с Германией, а также и о взаимной помощи. Позвольте также узнать, господин посол, позицию СССР в отношении таких государств как Румыния, Финляндия, Турция. Насколько мне известно, советские войска уже ведут боевые действия на территории Румынии.

– Позиция советского правительства однозначна. Советский Союз ведет войну с Германией и теми странами, которые участвуют в агрессивной войне на ее стороне. К таким странам относятся Италия и Болгария, которые уже участвовали в боевых действиях как союзники Германии. Вооруженные силы Румынии, Словакии и Венгрии, как нам стало известно из достоверных источников, готовились к нападению на СССР. Кроме того, на территории этих стран находятся немецкие войска. О подготовке Финляндии к войне с СССР у нас тоже есть сведения. И на территории этой страны также находятся немецкие войска. Мое правительства просило уведомить вас о том, что сегодня правительству Финляндии предъявлен ультиматум, в котором ему предлагается немедленно решить вопрос о выводе всех немецких войск со своей территории и отвести свои части от границы с СССР. В противном случае Советский Союз оставляет за собой свободу действий. Как мне сообщили, финское правительство уже ответило на наш ультиматум. Финское правительство сообщает, что немецких войск на территории Финляндии не размещалось. Отдельные части немецких войск, следующие транзитом через Финляндию в Норвегию, покинут территорию страны в ближайшие дни. Дальнейший транзит не предвиделся и, учитывая обстановку, правительство Финляндии берет на себя обязательства в дальнейшем не допускать появления каких-либо частей немецкой армии на своей территории. Что касается вооруженных сил самой Финляндии, то повышенная боевая готовность вызвана не стремлением к агрессии против СССР или какой-либо другой страны, а общим положением в Европе, где продолжается война. Это самые последние сведения, которые, как я вам уже сказал, господин премьер-министр, мною получены перед самым отъездом к вам. Что

касается Турции, то советское правительство также имеет доказательства того, что она готовилась к войне с СССР на стороне Германии. Поскольку на территории этого государства нет каких-либо немецких войск, то военные действия на территории Турции не ведутся, но советское правительство направило ноту правительству Турции. Советское правительство поручило мне подчеркнуть свою позицию, которая заключается в отсутствии каких-либо захватнических целей. Военные действия против Германии и ее союзников, будут вестись только на территории этих государств и оккупированных ими стран, до полного освобождения всех захваченных Германией и ее союзниками территорий и их полной капитуляции. После освобождения оккупированных территорий дальнейшие действия по восстановлению государственного строя будут являться прерогативой народа данной страны. Советский Союз не собирается вмешиваться во внутренние дела государств, которые обретут независимость с его помощью. Правительство Советского Союза считает, что располагает достаточными силами и средствами для выполнения поставленной перед собой задачи. Это не в коей мере не предполагает отказ от любой помощи со стороны любых других миролюбивых государств и в первую очередь Великобритании, о чем мы говорили в начале.

– Благодарю вас, господин посол.

18 часов 00 минут. Берлин

Совещание у командующего сухопутными войсками фельдмаршала Браухича. Докладывает начальник генерального штаба генерал Гальдер.

– По тем сведениям, которыми мы на это время располагаем, противник наносит удары по всем возможным направлениям, т.е. на Кенигсберг, на Данциг в обход нашей группировки в Восточной Пруссии, на Варшаву, на Люблин, на Силезию, и в Румынии. Сейчас нет возможности оценить, на каких направлениях наносятся главные удары, а на каких второстепенные. Генштаб предполагает, что русские попытаются окружить войска в Восточной Пруссии и в районе Люблина, для чего им необходимо выйти к Висле вот здесь и здесь, и форсировать ее, – показывает на карте. Браухич внимательно слушает, кивая головой в знак согласия, – Чтобы предотвратить это, необходимо срочно расположить войска на таком удобном и естественном оборонительном рубеже, как река Висла, а для этого в свою очередь, необходимо отвести войска от границы и вывести все имеющиеся в генерал-губернаторстве резервы на Вислу и организовать там оборону.

– Мы располагаем такой возможностью? – спросил Браухич, – Я говорю в первую очередь о резервах.

– Для прикрытия направления на Данциг мы можем использовать части 50-го и 23-го армейских корпусов, для организации обороны на рубеже Вислы в районе Демблин-Варшава-Быдгощ можно использовать 42-й и 35-й армейские корпуса и подтянуть туда еще дополнительно три-четыре дивизии, в южной Польше мы можем располагать 51-м и 57-м армейскими корпусами. Но все это очень незначительные силы, с которыми вряд ли удастся организовать прочную оборону. К сожалению, у нас практически нет подвижных войск. Двадцать четыре танковых и мотопехотных дивизии находятся в эшелонах и растянуты от Рейха и до границы с Россией. Надо отдать приказ срочно остановить выдвижение всех частей и соединений на линии западнее Вислы.

– Да, я согласен с вами, – произнес Браухич, – Посмотрим, что скажет фюрер.

22 часа 30 минут. Берлин. Рейхсканцелярия

Вдоль стены стоят немецкие военачальники. Гитлер непрерывно ходит взад-вперед по залу, он взвинчен до состояния истерики.

– Как могло такое произойти? Вы – банда кретин и идиотов! Вам ротами командовать! Все что я создал... Весь Рейх... Канарис, как получилось, что мы ничего не знали?

– Мой фюрер, я...

– Молчите, Канарис! Говорить надо было раньше. Где вся ваша разведка? Вы или идиот, или предатель.

– Мой фюрер, – осмелился прервать Гитлера Кейтель. – Может быть, еще все не так страшно?! Русские продвинулись на несколько километров от границы. С финнами было то же самое, и чем кончилось?!

– Не говорите глупостей, Кейтель. Русские бомбят Кенигсберг и Варшаву, их танки провалились, и никто, слышите, никто не может мне объяснить, что происходит сейчас на границе! Почему? Я хочу знать, что сейчас происходит там! Гальдер?

Начальник генерального штаба Гальдер неуверенно делает шаг вперед.

– Мы ни можем получить точной картины, мой фюрер, – говорит он, – Все линии связи нарушены, действуют русские диверсанты. Нет связи ни с группами армий, ни с армиями. У командующих нет связи с корпусами и дивизиями. Практически все танковые и моторизованные дивизии в эшелонах, растянуты на сотни километров по территории Генерал-губернаторства. Нам надо...

– Вы тоже ничего не знаете, Гальдер. Геринг?

– Мой фюрер, – начал Геринг, – авиация на границе ведет бой, но у русских очень много самолетов. Значительная часть наших воздушных сил еще не переброшена в генерал-губернаторство и Восточную Пруссию и находятся в Рейхе или на Балканах.

– Значит, соберите все что можно. Мы должны остановить русских! Где ваши асы, Геринг? Русские летают на этажерках, они просто не умеют летать. Вы должны показать им, что могут наши летчики! Слышите?

– Да, мой фюрер.

– Вы все должны разобраться с этим бардаком, даже если вам самим придется идти в атаку!

Слышится рев сирен.

– Что это?

– Воздушная тревога, мой фюрер, – осмеливается ответить Геббельс.

– Нет, – кричит Гитлер Герингу, его руки трясутся, – Нет, это не просто воздушная тревога. Я уверен, что это не англичане. Это русские!

В ночном небе над Берлином, урча моторами, строем идут шестьдесят советских бомбардировщиков. Их ведет полковник Александр Голованов. Они выполняют личный приказ Сталина – сбросить бомбы на Берлин.

13 июня. 3 часа 15 минут. Кремль

За длинным столом члены Политбюро. Сталин прохаживается по кабинету. Стоя у карты, докладывает маршал Шапошников.

– За сегодняшний день войска Западного фронта продвинулись вглубь территории Польши на 15—20 километров. 13-я и 10-я армии двигаются на Варшаву. Сопротивление немцев на этом направлении минимальное. В районе Варшавы продолжается высадка 4-го воздушно-десантного корпуса. На Юго-Западном фронте 5-я армия ведет бои вдоль границы. Продвижение всего 5—10 километров. Немцы сильно сопротивляются. 6-я армия осуществила прорыв на участке около 40 километров, в прорыв в направлении Кракова введен 4-й механизированный корпус. К 20.00 4-й мехкорпус продвинулся на 35 километров и продолжает наступление. По данным нашей разведки, на этом направлении у немцев почти нет войск. Завтра с утра вслед за 4-м мехкорпусом Музыченко планирует ввести 15-й мехкорпус и 5-й кавкорпус. Для захвата переправ на Висле планируется высадить 1-й воздушно-десантный корпус в полном составе.

15 июня. Штаб Юго-Западного фронта

В кабинет начальника штаба фронта генерал-майора Пуркаева входят командир третьего воздушно-десантного корпуса генерал-майор Глазунов и командир пятой воздушно-десантной бригады полковник Родимцев.

– Здравия желаем, товарищ генерал-майор.

– Здравствуйте, садитесь.

Усаживаются вокруг стола, на котором лежит карта.

– Значит так, – говорит Пуркаев, – Четвертый мехкорпус пока успешно продвигается вперед. Послезавтра, самое позднее, Власов должен выйти к Висле. Вот мосты через Вислу. Вот этот нам не подходит. У немцев здесь много зениток, тут рядом аэродром – на нем истребители. Здесь в районе моста до полка пехоты, в этом районе девяносто девятая пехотная дивизия. Поэтому от первоначального плана будут отклонения. Ваша главная задача – вот этот мост. Если немцы его взорвут – Власов застрянет. Возьмем мост – Власов обойдет Краков, и все будет хорошо. Командование решило десантировать завтра с утра пятую бригаду в районе моста. Основную часть корпуса планируем высадить вот тут, севернее. Здесь по сведениям разведки должна сосредотачиваться одиннадцатая танковая дивизия немцев. Задача корпуса – не дать немецким танкам прорваться к мосту. Десантировать вас будет, как и планировали первый корпус генерала Изотова. Вопросы?

– Какие у немцев силы в этом районе.

– Авиаразведка докладывает, что никаких немецких частей в районе моста нет. Вот сюда прибывают части одиннадцатой танковой дивизии. Вот в этом районе – располагается до батальона пехоты. Здесь расположена пехотная дивизия невыясненной нумерации, но до вас она не должна успеть добраться. Вообще, если верить разведке, на левом берегу у немцев крупных сил нет, кроме одиннадцатой танковой. Но дивизия в эшелонах растянулась от самой Германии, пока она выгрузится, пока подтянется... Основная угроза, видимо, с правого берега. В этом направлении отходят до двух пехотных дивизий немцев. Как быстро их части дойдут туда и дойдут ли – это вопрос. Власов вполне может их опередить.

Штаб 1-го дальнебомбардировочного авиационного корпуса

В накуренном помещении проводят совещание командир авиакорпуса генерал-майор Изотов, командир третьего воздушно-десантного корпуса генерал-майор Глазунов, командиры авиадивизий и воздушно-десантных бригад.

– У нас получается следующее, – говорит Глазунов, – В район моста мы десантируем бригаду Родимцева в составе первого, второго и частично четвертого батальонов. Задача – захватить мост и удерживать до подхода наших танков. В этот район одновременно начинаем выбрасывать бригаду Затевахина в полном составе и потом, освободившись транспортом, первый и третий батальоны бригады Желудева. Артиллерию будем десантировать вторым эшелоном вместе с основными частями корпуса. Я вылетаю с бригадой Желудева. У нас сорок исправных ТБ-3, так что кое-какую технику сможем доставить. Остальные силы остаются в резерве. Для них все равно транспорта пока нет. Наша главная задача – первым рейсом, пока немцы не очухались, забросить основные силы вот сюда и сюда. Если позволят немцы, на следующий день будем десантировать остальные части. Всё ясно? Если вопросов нет – по коням!

5 часов 30 минут. Кречевцы. Аэродром 40-й дальнебомбардировочной авиадивизии

На летном поле аккуратными рядами выстроились бомбардировщики ДБ-3ф. Идет погрузка в самолеты 5-й воздушно-десантной бригады. У самой кромки аэродрома прогуливаются командир 1-го батальона капитан Симкин и медсестра Лиза. Разговор носит явно интимный характер.

Мимо проходят командир бригады полковник Родимцев и начальник штаба майор Борисов.

– Игорь, – кричит Родимцев, увидев Симкина, – Для тебя, что, война не началась ещё? Симкин подбегает к полковнику.

– Товарищ полковник, заканчиваем погрузку через двадцать минут.

– Я вижу, как ты заканчиваешь... Что вы тут развели, капитан?! Ладно уж, прощайся, только быстро. К вечеру все равно встретитесь. Медсанбат третьим рейсом идет, так что увидишь скоро свою Лизавету.

Через полчаса самолеты один за другим поднимаются в воздух и летят на Запад.

16 июня. Мост через Вислу, недалеко от Кракова

В воздухе советские самолеты. От самолетов отделяются черные точки, летят к земле, над ними раскрываются купола парашютов. Уже все небо над Вислой покрыто ими, а самолеты продолжают выбрасывать все новых и новых десантников. Парашютисты приземляются по обоим берегам, некоторые падают прямо в реку, пытаются освободиться в воде от парашютов. Удастся это не всем, многие тонут.

Несколько человек умудряются приземлиться прямо на мост. По ним отрывает огонь немногочисленная охрана с обоих берегов. Несколько десантников падает, остальные прячутся среди устоев моста и открывают ответный огонь.

На левом берегу у моста небольшая будка, возле неё с десяток немецких солдат ведут беспорядочную стрельбу: кто по десанникам на мосту, кто по парашютистам в небе. Из перелеска выскакивает группа десантников и стремительно бежит к мосту, стреляя на ходу. Короткая рукопашная схватка и вся охрана перебита, кроме нескольких пленных. Лейтенант, возглавлявший группу, и часть бойцов вбегают на мост. Укрывшиеся здесь десантники выходят из укрытий. С другой стороны моста появляется ещё одна группа десантников. Бойцы занимают оборону на обоих берегах.

На полях продолжают приземляться новые группы парашютистов. У самой кромки леса приземляется командир бригады полковник Родимцев. Парашют тащит его за собой к деревьям, но полковник быстро тушит купол и отстегивает лямки. Рядом, прямо на деревья, опускаются его бойцы. Один из них цепляется за верхушку дерева, но ветви не выдерживают, и парашютист рушится на корни большой сосны. Нога неестественно выворачивается, человек кричит от боли. Полковник подбегает к нему, отстегивает лямки парашюта и пытается помочь.

– Потерпи, сынок, сейчас найдем тебе санитаров.

К ним подбегают десантники. Передав пострадавшего на руки бойцов, полковник располагается у опушки леса и рассылает в разные стороны несколько парашютистов с приказом подтянуться всем приземлившимся к опушке. Через несколько минут собирается полторы сотни человек. Родимцев, приказав одному из офицеров продолжать сбор, с группой парашютистов идет через лес. В лесу много парашютистов, большинство из них приземлилось неудачно. Те, кому повезло больше, пытаются оказать первую помощь.

Миновав небольшой лес, Родимцев со своей группой выходит на другое поле. Здесь на опушке также группируются приземлившиеся парашютисты. Среди них много командиров. Здесь оказывается большая часть штаба бригады, уже развернута рация.

Мост через Вислу, захваченный десанниками бригады Родимцева. На мосту валяется несколько убитых немецких солдат, их по очереди двое бойцов скидывают в реку. По обоим берегам реки десантники роют окопы. На правом берегу, у въезда на мост, рядом с перевёрнутой подводой – группа советских офицеров во главе с командиром бригады Родимцевым.

– Значит так, братцы, – говорит Родимцев, – Судя по всему, наша разведка не подвела, у немцев здесь никаких частей не было, кроме взвода охраны. На том берегу до самого Кракова должно быть чисто, там сажаем в оборону второй батальон. Ты Володя, – обращается к командиру батальона Сенцову, – окапываешься на той стороне и сидишь. Высылаешь разведку. На этом берегу немцев надо ждать скоро. Сюда должны отходить их части. Наши их уже гонят. Задача – продержаться. Первый батальон занимает оборону вот по этим лесочкам. Закапываемся поглубже в землю. Вторая и третья роты четвертого батальона, под командованием старшего лейтенанта Лёвушкина, вместо раненого капитана Сергеева, окапываются вот там в роще. Это будет наш резерв. Минометную роту расположить вот там на опушке. Вопросы? Нет вопросов? Выполнять! Колыванов, ко мне!

Получившие указания расходятся, остается командир разведроты старший лейтенант Кольванов.

– Вот что, Леша, – говорит Родимцев, – Наша разведка сообщала, что на том берегу у немцев вроде как ничего нет. Но береженого бог бережет. Ты отправь своих ребят в ту сторону, пусть посмотрят внимательно. Не хочется оттуда подарок получить.

– Разрешите, сам посмотрю, товарищ полковник?

– Иди. Только смотрите если что, не связывайтесь. Отходи сюда.

Лейтенант уходит. Остаются Родимцев, начальник штаба Борисов и старший политрук Никольский.

– Ну что у нас, Владимир Яковлевич? – обращается к Борисову Родимцев.

– Докладываю. Первый батальон – четыреста десять человек, пять ротных минометов. Второй батальон – триста шестьдесят человек, три ротных миномета. В двух ротах четвертого батальона – двести человек и два ротных миномета. Пять батальонных минометов в минометной роте. Два ДШК. В разведроте – пятьдесят пять человек. Сорок семь человек раненых, в основном повредились при посадке. Вот такие у нас силы.

– Ну, пока ещё грех жаловаться. Если немцы быстро не очухаются – продержимся. А?

– Должны продержаться, Александр Ильич.

Небольшая станция забита эшелонами с техникой. Впереди пути разбиты советской авиацией. В эшелонах части перебрасываемой на Восток 11-й танковой дивизии.

К станции подъезжает несколько легковых автомашин. Из них выходит командир 51-го армейского корпуса генерал пехоты Рейнхард. К нему подходит полковник. Представляется:

– Командир 15-го танкового полка полковник Штрейх.

– Застряли, полковник?

– Так точно, господин генерал. Русские разбомбили пути. Если сейчас опять налетят, разнесут в клочья.

– Какие здесь части?

– Почти целиком два танковых батальона моего полка, рота мотоциклетного батальона и рота саперного батальона.

– Слушайте задачу, полковник. Здесь ждать бесполезно. Прилетят русские и от вас останутся только воспоминания. Пути чинить некому. Выгружайте технику и занимайте оборону на Висле, – кивает адъютанту, тот разворачивает карту. – Здесь мост. Выходите к нему. Я пытаюсь собрать все боеспособные части в этом районе. Три охранных батальона, пехотный полк неполного состава и зенитный батальон. С вашими танками мы ещё что-то сможем. Сколько у вас танков полковник?

– Сто девятнадцать, остальные в дороге, господин генерал. Из них двадцать тяжелых и сорок два средних с 50-мм пушкой.

– Это очень неплохо. Собирайте все, что есть и двигайтесь к Висле!

На краю только что отрытой стрелковой ячейки сидит капитан Симкин, курит. В ячейке двое бойцов устанавливают ручную пулемет.

Над головами пролетает эскадрилья советских бомбардировщиков. Бойцы задирают головы, провожая их взглядом.

– Немца бомбить полетели, товарищ капитан, – говорит один из бойцов.

– А кого ж ещё! – Симкин бросает папиросу, встает, – Ну как у вас, готовы?

– Так точно товарищ капитан. Наши-то когда будут.

– Как родина прикажет, Волков, так и будут. Не дрейфь.

Симкин идет на КП бригады. На КП Родимцев сидит рядом с радистом.

– «Орел», «орел», я «лебедь», прием, – монотонно повторяет радист.

– Ну что, товарищ полковник, – спрашивает Симкин.
– Да ничего нового Игорь. Наши молчат. Немцы вроде тоже. Не нравится мне это. Тихо больно. Что же у них один взвод на всю округу.

– А разведка вернулась, товарищ полковник?

– Нет ещё. Жду. Присаживайся.

Симкин присаживается рядом на бревно.

– Наши-то, видать, далеко ещё. Канонады не слышно.

– Не слышно, – соглашается Родимцев, – Но если у них так же, так какая тут канонада?!

Не война, а парад какой-то.

– Сглазите, товарищ полковник...

С другого берега через мост бегут двое бойцов.

– Никак, наша разведка, – Симкин встает.

Вдалеке на другом берегу слышно несколько отдельных выстрелов, потом пулеметная очередь и два взрыва один за другим.

– Ну вот, кажется, дождались, – Родимцев встает и быстрым шагом идет к мосту, за ним ещё несколько командиров.

У входа на мост он встречается с бегущими красноармейцами.

– Сержант Федоров, из разведроты, товарищ полковник, – усатый сержант раскраснелся от бега.

– Докладывайте, сержант!

– Возле хутора севернее развилки наткнулись на немцев. Примерно рота. Капитан отправил доложить.

– Что там за стрельба?

– Не знаю, товарищ полковник. Немцы расположились у хутора. В нашу сторону, вроде, не двигались. Может, наткнулись на наших случайно.

– Случайно! Какие же к черту разведчики, на которых случайно натыкаются!

Родимцев возвращается на КП.

– Связь с Сенцовым. Быстро! – кричит он радисту.

Командир второго батальона, занимавшего оборону на левом берегу, капитан Сенцов стоит на краю небольшого оврага метрах в пятидесяти от моста, глядя в сторону, откуда раздавались выстрелы. Из кустов слышится голос радиста:

– Товарищ капитан, вас первый.

Сенцов спускается в кусты к рации.

– Что там у вас? – спрашивает Родимцев

– Товарищ полковник, разведка вернулась. Справа немцы, до батальона. Наткнулись на нашу разведку. Слева, в километрах полутора тоже немцы, идут колонной. Не меньше батальона. Двигутся к нам.

– А ты думал, вечно будешь отсиживаться? Готовься встретить. Я иду к вам.

Родимцев подходит к начштаба.

– Владимир Яковлевич! Немцы, похоже, на том берегу все-таки есть. Я к Сенцову, посмотрю, что как сам. Ты с Игорем остаешься. Смотри, Игорь, не прокараульте их из-за спины. Связь держите.

Родимцев в сопровождении нескольких командиров и бойцов бегом направляется через мост.

Начштаба смотрит на Симкина.

– Где твои разведчики?

– Не возвращались ещё. Я, пожалуй, пойду к себе на КП.

- Давай. Не пуха тебе!
- К черту!

Только Родимцев пересекает мост, слева опять начинается стрельба: несколько пулеметных очередей, разрывы гранат. Запыхавшийся Родимцев добегают до КП Сенцова.

– Как у вас, Володя?

– Товарищ полковник, немцы силой до батальона движутся слева от хутора. Справа немцы рассредоточились, залегли. Пока активных действий не предпринимают. Ждут чего-то.

– Пошли, посмотрим.

Они поднимаются по склону оврага, и подходят к опушке. Здесь открыты стрелковые ячейки, в них затаились бойцы. Родимцев и Сенцов залегают в корнях огромной сосны. Метраж в четырехстах среди невысокого кустарника мелькают фигуры немцев.

– Подпусти их поближе, Володя, – говорит Родимцев.

Сзади появляется боец.

– Товарищ капитан, там разведчики, с правого фланга вернулись – зовет он.

– Ты смотри здесь, Володя, – сказал Родимцев, – Я гляну, что там...

Полковник, согнувшись, перебегает к оврагу. Там сидят двое разведчиков: молодой лейтенант и огромного роста сержант. Увидев полковника, вскакивают.

– Товарищ полковник... – начинает лейтенант.

– Быстрее, – перебивает его Родимцев, – Что там?

– Немцы осторожно двинулись вперед. Перебежками. Видимо, не знают, что впереди.

– Сколько их?

– Не меньше двух батальонов.

Родимцев ругается и спускается к рации.

– Дай мне штаб, – кричит он радисту, – Владимир Яковлевич, тут, похоже, не меньше двух батальонов. Откуда они взялись? Как у вас?

– У меня тихо, – докладывает Борисов.

– Дай-то бог. Ты вот что. Готовься отправить ко мне обе роты четвертого батальона. Если тут так пойдет, то мы с одним батальоном долго не продержимся.

– Слушаюсь, товарищ полковник.

По дороге движется колонна немецких танков. Навстречу им спешат двое велосипедистов. Головной танк останавливается, за ним и вся колонна. Велосипедисты движутся вдоль колонны к группе командирских танков. Там их встречает полковник Штрейх.

– Командир первого взвода третьей роты четыреста пятого охранного батальона лейтенант Фольмер, – докладывает велосипедист, – Послан вам навстречу командиром батальона. Приказано доложить, что мост захвачен русскими парашютистами. Наш батальон вступил в бой.

– Какие силы у русских? – спрашивает Штрейх.

– Предположительно, до двух батальонов, господин полковник. Русские заняли оба берега в районе моста и окопались. На нашем берегу русских не более батальона, сколько их на правом берегу, сказать пока трудно. Майор просил вас поторопиться, пока к русским не подошло подкрепление.

– Далеко еще до моста?

– Не более трех километров.

Штрейх поворачивается к своим офицерам:

– Господа, прошу по машинам, нам надо спешить!

Через несколько секунд колонна танков трогается. Обгоняя танки, проносятся мотоциклисты.

– Жарко там, похоже, товарищ майор, – говорит Симкин, прислушиваясь к участвовавшей стрельбе на том берегу.

– Да пока не очень, – отвечает начштаба, – Ты, Игорь сюда смотри. С нашего берега немцы должны подойти.

– Пойду, посмотрю, как там у меня, – капитан идет к окопам второй роты своего батальона.

Вторая рота расположилась у берега на опушке леса. Бойцы зарылись в землю среди огромных елей. У деревьев замаскированы ветками ручные пулеметы, огнеметчики сложили свои объемистые баллоны. За огромным замшелым стволом ели, поваленным совсем недавно, судя по свежему слому, схоронились минометчики. Симкин проходит по позициям своих бойцов, кивает командиру роты, показывает жестом, чтоб сидел на месте и двигается дальше через лес. Ели кончаются, начинается лиственный лес: осины вперемешку с орешником и рябиной. Подлеска почти нет, и видно далеко. Капитан слышит негромкие голоса, мелькает что-то белое. Впереди на открытом пространстве капитан замечает людей. Симкин меняет направление – теперь он движется наперерез идущим. Он выходит на просеку. По ней приближаются три женщины и двое десантников. Одна из женщин явно немолода, две другие вполне годятся по возрасту ей в дочери, если не во внучки: той, что повыше – лет двадцать, второй лет тринадцать-пятнадцать. Двое солдат идут сзади и что-то говорят, но негромко – разобрать Симкин не может. Зато он хорошо видит, как один из десантников догоняет идущую сзади девушки и, перебросив карабин в левую руку, правой хватает ее за грудь. Та отмахивается, но боец не отступает. Это привлекает внимание остальных, и пожилая женщина бросается на нахала, защищая девушку. Девчонка тоже пытается вступить, но боец вскидывает винтовку. В это время раздается хруст сучьев под ногами капитана, и все поворачиваются к нему.

– Что здесь происходит? – спрашивает Симкин, узнавший бойцов – оба из третьей роты. Пристававший к девушке – старшина-сверхсрочник, второй – молодой боец из последнего призыва.

– Разрешите доложить, – старшина вытягивается, – Задержаны в лесу, товарищ старший лейтенант велел доставить их в штаб.

– Поляки?

– Так точно, поляки, – отвечает старшина, – По-русски не говорят, хотя, вроде, старуха понимает кое-как.

– А на кой вы их в штаб тащите?

– Так товарищ старший лейтенант решил, что надо их допросить, но у нас по-польски никто не говорит.

– У нас в штабе тоже никто не говорит по-польски, – отвечает Симкин.

Женщины прислушиваются к разговору, но не ясно, понимают они хоть что-нибудь или нет. «Старухе» при ближайшем рассмотрении Симкин дал бы не больше сорока лет. Лицо ее в морщинах, загоревшее до черноты, от этого она сначала казалась гораздо старше. И черная одежда тоже ее не молодит. Та, к которой приставал старшина, стоит, опустив глаза, двумя руками держит небольшой узелок из серой тряпки, в который завернуто что-то угловатое. Девушка симпатичная фигуристая, груди так и рвутся наружу из простенькой пестрой кофточки. В разрезе кофточки крестик на блестящей цепочке, широкая зеленая юбка до колен колыхается вокруг стройных ножек. Девочка тоже с узелком. Совсем подросток, нескладная, угловатая. Глаза испуганного котенка смотрят на вооруженных мужчин. У всех троих одинаковые прически, светлые волосы заплетены в косы и как-то особенно уложены вокруг головы. Лица схожи, сходство, несомненно, семейное.

– Сомневаюсь я, что они что-то нам интересного расскажут, – молвит Симкин, и обращается к старшей полячке, – Откуда вы идете? – произносит он медленно и разборчиво.

Та, вроде, понимает, и что-то отвечает, показывая рукой с востока на запад. Слов Симкин не разбирает, но жест достаточно красноречив.

– Где немцы, – спрашивает Симкин, и зачем-то добавляет, – пани?

Полячка смотрит на него и недоуменно пожимает плечами. Совершенно непонятно – не поняла она вопрос или не знает, где немцы. Капитан повторяет вопрос, ответ точно такой же.

– Пошли, – говорит капитан и идет по просеке, туда, откуда привели задержанных.

Они дошли места где лежали на опушке бойцы третьей роты. Подбежал командир роты, стал что-то объяснять, но Симкин отмахнулся.

– Потом.

Он подвел женщин к опушке и показал рукой на север.

– Туда идите. Сюда не приходите больше.

Старшая полька, кивнула, показывая, что поняла, и они пошли прочь. Шедшая сзади девочка все время испугано оглядывалась.

– Старшина, – манит рукой Симкин. Тот подходит, – Вы женаты?

Старшина хоть и был его подчиненным, но по возрасту лет на семь-восемь старше Симкина.

– Нет, товарищ капитан.

– А невеста есть?

– Так точно. Есть.

– А вот если я вашу невесту буду хватать за все части тела, которые мне покажутся интересными? Вам бы это понравилось?

Старшина молча смотрит в землю, но раскаявшимся не выглядит.

– Мы находимся на чужой территории и должны соответствовать моральному облику советского человека. А не разбойника какого-нибудь. Что вы себе позволяете? Ваше поведение, после того как мы вернемся, будет предметом рассмотрения, я передам замполиту. А во вторых, когда с вами говорит командир, то по уставу положено отвечать.

– Виноват, товарищ капитан, – теперь по лицу старшины хорошо видно, что он сожалеет. Но скорее всего, не о том, что приставал к полячке, а о том, что капитан так не вовремя попался им на дороге.

– Никто и не сомневается, что вы виноваты, – усмехается Симкин, и повернувшись к слушавшему их разговор, но мало что в нем понимавшему, командиру роты, бросает ловеласу, – О своем поведении доложите непосредственному начальнику. И постарайтесь так себя вести в бою, чтобы все забыли о вашем проступке.

Штаб Юго-Западного фронта

В комнате Жуков и Кирпонос. Стук в дверь. Входит Пуркаев.

– Георгий Константинович, – обращается он к Жукову, – Власов докладывает, что у него нехватка горючего. Все свои ресурсы он исчерпал, а подвоза нет. Он говорит, что его танки к вечеру встанут.

Жуков вскакивает, стул на котором он сидел с грохотом опрокидывается. Встает и Кирпонос.

– Почему? – лицо Жукова багровеет, – Какого черта ему не подвозят горючее?

– Товарищ генерал армии, – говорит Пуркаев, – У Власова в корпусе меньше половины бензоцистерн от штата. А теперь пока он по дорогам шел и того меньше. А у фронта автотранспорта не хватает. В других мехкорпусах положение еще хуже. Рокоссовский доложил, что ему пришлось почти всю мотопехоту спешить. Иначе ему горючее и боеприпасы не на чем подвозить и раненых тоже эвакуировать не на чем.

– Зам по тылу ко мне! И связь с Власовым.

Через несколько минут в комнату входит заместитель начальника штаба по тылу генерал-майор Ковалев, следом – член военного совета фронта корпусной комиссар Вашугин.

– Товарищ генерал армии... – начинает докладывать Ковалев.

– Слушай, – перебивает его Жуков, – У тебя время до 23.00. К этому часу ты решишь все проблемы с транспортом и подвозом горючего и боеприпасов. Все машины – на подвоз горючего к танкам и боеприпасов. Санитарный транспорт пустить туда же. Чтоб не одной машины не использовалось для другого! Тебе ясно?

– Так точно, товарищ генерал армии.

– Если проблема не решится, я прикажу тебя расстрелять. А товарища корпусного комиссара я попрошу проконтролировать лично.

В дверях появляется адъютант:

– Генерал-майор Власов на связи, товарищ генерал армии.

Жуков подходит вплотную к побледневшему Ковалеву, несколько секунд смотрит ему в глаза и выходит в соседнюю комнату, где сидят связисты. Ему протягивают трубку.

– Власов? Докладывай.

– Товарищ генерал, – докладывает Власов, – Взяли город Тарнув. Немцы оказывают слабое сопротивление, организовать серьезную оборону у них не получается. Сейчас поворачиваю корпус на север и к утру выйду к Висле, если горючего хватит. У меня только то, что в танках, запасов нет, тыловые части отстают.

– Я уже приказал, тебе помогут. Ты давай быстрее.

– Постараюсь, товарищ генерал. Если встречу серьезные узлы сопротивления, буду обходить, оставлю пехоте. Пошевелите тыловики, товарищ генерал, до Вислы у меня горючего хватит, а дальше встанут танки. А в остальном, мы постараемся.

– Старайтесь, – Жуков отдал трубку связисту и, недовольно морщась, вышел на улицу.

Небольшой польский городок. Многие здания разрушены после налета советской авиации, кое-где пожары.

На окраине городка появляются советские танки. Это корпус генерала Власова. Тяжелые КВ медленно движутся вдоль улицы. Немецкие солдаты, прячась за домами, открывают огонь из винтовок и пулеметов, но против танков они бессильны. Постепенно движущиеся с разных направлений танки доходят до центральной площади с костелом. На верхушке костела немцы установили пулемет. Первые два КВ, появившиеся на площади, начинают бить по костелу

в упор из пушек. Меньше чем за минуту костел превращается в руины, башня вместе с пулеметчиками рушится.

На площадь выносятся несколько танков БТ, за ними группа броневых автомобилей и грузовиков. Это штаб генерала Власова. Танки двигаться дальше, а Власов со штабом располагается в небольшом палисаднике, уцелевшем от пожара.

Командир корпуса садится прямо на землю, стаскивает сапоги и с наслаждением вытягивает ноги. Адьютант наливает из термоса чай и подает ему. Власов делает несколько глотков из кружки и поднимает глаза на своего начштаба, генерал-майора Мартьянова.

– Андрей Андреевич, плохи наши дела, – докладывает тот, – Танки встают один за другим. Ладно б немцы их били, а то ведь просто ломаются, а чинить не успеваем. В дивизии Фотченкова осталось только тридцать два КВ и сто семь Т-34. Т-28 больше половины потеряли в дороге, осталось двадцать две единицы, и по полтора десятка БТ и Т-26. В 32-й дивизии еще хуже. Осталось двадцать семь КВ, девяносто два Т-34, восемнадцать Т-26, семнадцать БТ и двенадцать Т-27. В мотодивизии осталось пятьдесят шесть танков, в основном БТ и дивизия отстает безнадежно, почти вся мотопехота идет пешком. С боеприпасами плохо, меньше боекомплекта. Про горячее я, уж, не говорю. Что делать будем?

– А что мы можем делать, Александр Алексеевич?! У нас приказ – наступать – и завтра мы с вами должны взять Краков. Чего нам, судя по всему, не успеть никак. Даже если бы было всего вдоволь. А не возьмем Краков или хотя бы не успеем взять мосты на Висле, сам знаешь, что с нами будет. Мало не покажется.

С кружкой подошел замполит – бригадный комиссар Зуев, сел рядом с Власовым на землю. Начштаба достал папиросу, закурил. Некоторое время все молчали, прислушиваясь к звукам боя.

– Вроде, уже к окраине вышли, – сказал Зуев.

– Да, похоже, – согласился Власов, – немцев-то, видать, немного, да и артиллерии у них нет. Так что еще один город взяли. Я думаю, сделаем так: вперед пустим восьмую дивизию, усилим ее шестьдесят третьим танковым полком, возьмем у Пушкина. Да пусть он его усилит, чем может. Все горячее в первую очередь в восьмую дивизию. Мотопехоту пусть сажают на танки, сколько смогут. И от Пушкина не меньше роты мотоциклистов надо в восьмую передать, там совсем от разведки ничего не осталось. Значит, восьмая дивизия идет форсированным маршем к Висле, тридцать вторая собирает остатки горячего и следом отправляет шестьдесят четвертый танковый полк с мотопехотой, все остальные части ждут подхода мотодивизии и горячего, и потом – за нами. Других вариантов я не вижу. Так мы еще можем успеть. Александр Алексеевич, вы бы попробовали еще раз узнать, что там у парашютистов. А в идеале хорошо бы с ними прямую связь наладить, а то все у нас через одно место, – поворачивается к адъютанту, – Костя, придумай перекусить чего-нибудь. Потом точно некогда будет.

Танки генерала Власова подходят к окраине городка. Остатки немцев, отстреливаясь, пытаются вырваться к лесу. Танк младшего лейтенанта Озерова доходит до конца улицы и тут в него попадает снаряд из укрытого орудия. Снаряд броню не пробивает, но удар слишком сильный и танк останавливается.

– Все целы? – кричит Озеров, в голове его стоит звон, перед глазами плавают разноцветные круги.

– Целы, товарищ лейтенант, – откликается наводчик Колесов, – Видать, осколочным шарахнуло. Броня держит. Откуда вот стреляли, только не видно.

– Егор, ты как? – кричит Озеров водителю.

– Живой, товарищ лейтенант, – отвечает тот, – Сейчас тронем, испугался я малость. Только баки у нас, считай, сухие, лейтенант. Надо останавливаться.

– Вон она! – орет Колесов, – Вон там. слева, где сарайчик, ствол торчит. Ваня, заряжай осколочным. Видите, товарищ лейтенант?

– Вижу, кончай ее, пока они нам еще не вмазали.

КВ сотрясается от выстрела. Снаряд попадает в сарай, за которым прячется немецкая гаубица, сарай вспыхивает, второй снаряд, пущенный следом, переворачивает гаубицу и разбрасывает по сторонам артиллеристов.

– Остался один осколочный, товарищ лейтенант, – докладывает заряжающий.

– Егор, – кричит Озеров, – уходи за эту хату. Чего стоять посреди дороги!

Танк сносит забор и вползает в сад. Задним ходом он отползает за хату, при этом ломает небольшой сарай. В сарае прячется польская семья: женщина и двое детей – мальчик лет семи и девочка лет десяти. Они выскакивают из рушащегося сарайчика. Кругом огонь, выстрелы, взрывы. Из-за дыма от горящих домов ничего не видно. Испуганная девочка бросается на улицу и попадает под гусеницы несущегося советского танка. Ее мать видит это и, держа за руку сына, тоже выбегает на улицу. С движущегося танка замечают мелькающие в дыму фигуры, бросившиеся наперерез танку, и дают очередь из пулемета.

Штаб группы армий «Юг»

Командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Рунштедт, заложив руки за спину, ходит по комнате. В дверь входит адъютант, докладывает:

– На связи командующий семнадцатой армией.

Рунштедт берет трубку.

– Какова обстановка у вас?

– Русские войска ведут наступление в общем направлении на Краков. Связь с войсками постоянно прерывается. Только что получено сообщение, что, русские танки ворвались в Тарнув.

– Это же всего тридцать километров от Кракова, – смотрит на карту Рунштедт, – Что вы можете предпринять, чтобы выбить русских.

– Я ничего не могу предпринять, господин фельдмаршал. Резервов у меня нет. Войска моей армии с боями отходят от границы. Моя армия несет огромные потери, некоторые дивизии находятся в окружении. Русские применяют огромные массы танков и самолетов. Наша авиация не оказывает моим войскам никакой поддержки.

– Вы паникуете, генерал, – прерывает его Рунштедт, – Возьмите себя в руки. Вы должны остановить наступление русских. Соберите все что можно, непрерывно контратакуйте. Авиационная поддержка будет, – фельдмаршал вешает трубку, поворачивается к адъютанту, – Соедините меня с генерал-полковником Лером.

Хостинь. Аэродром 3-й истребительной эскадры

Немецкий аэродром после налета советской авиации. На летном поле дымится несколько разбитых самолетов, все поле изрыто воронками. На краю летного поля уткнулся носом в землю советский биплан И-15, из кабины свесился труп летчика, самолет слабо дымит. В стороне немецкие солдаты пытаются потушить горящие здания.

На примыкающей к аэродрому дороге появляются две легковые машины. Навстречу выбегает лейтенант из охраны аэродрома, машет рукой требуя остановиться. Машины останавливаются, из передней выходит командующий 4-м воздушным флотом генерал-полковник Лер. Увидев высокое начальство, лейтенант и выбежавшие за ним солдаты вытягиваются по стойке смирно.

– Что происходит? – спрашивает Лер.

– Господин генерал-полковник, – отвечает лейтенант, – только что был налет русской авиации. Русские улетели не более пяти минут назад. Сегодня это уже третий налет. Вам лучше не выезжать на открытое место, мы ожидаем, что русские опять вернуться.

– Хорошо, – говорит Лер, – Машины мы оставим здесь, пусть ваши люди их спрячут в лесу. А вы проводите меня к вашему начальству.

Лер и двое сопровождающих его офицеров идут следом за лейтенантом, они проходят по узкой тропинке сквозь кустарник, обрамляющий летное поле.

Лер видит разбитые самолеты и недовольно морщиться. Тут он видит рядом труп немецкого солдата. Молодой парень лежит лицом вверх, широко открытые, неподвижные глаза как будто смотрят в небо. У трупа не хватает обеих ног. Они оторваны выше колена. Один окровавленный обрубок ноги лежит рядом с трупом.

– Почему не убрали, – строго спрашивает Лер у лейтенанта.

– Не успели, господин генерал-полковник. Налет только закончился. Прошу следовать за мной.

Краем поля они доходят до небольшого дощатого барака. Навстречу прибывшим выходят двое офицеров.

– Командир второй группы капитан Келлер.

– Начальник штаба третьей эскадры «Удет» капитан Вильке.

– Где полковник Лютцов, – спрашивает Лер.

– Сегодня утром во время первого налета русских он был тяжело ранен, – отвечает капитан Келлер, – У него раздроблена левая нога. Его отправили в госпиталь.

– Жаль Гюнтера, – говорит Лер, – Я близко знал его. Ну что ж, доложите обстановку.

– Здесь базируются вторая и третья группы нашей эскадры. На сегодняшний день в составе второй группы осталось шесть боеспособных самолетов и четыре летчика. Возможно, еще один самолет удастся починить к вечеру. К сожалению, большие потери среди наземных служб. Третья группа сегодня совершала боевой вылет в полном составе. Вернулось только три истребителя, два из которых нуждаются в ремонте. Из трех вернувшихся летчиков двое ранены, одного пришлось отправить в госпиталь. С задания не вернулся командир третьей группы капитан Андрес. Из Франции должна была прибывать первая группа, но сведений о ней мы не имеем.

Командующий флотом выслушивает доклад, молча поворачивается и делает несколько шагов в сторону летного поля. Он стоит, заложив руки за спину, и смотрит на разбитые самолеты.

Кречевцы. Аэродром 40-й дальнебомбарировочной авиадивизии

На окраине летного поля расположились части 5-й воздушно-десантной бригады, не попавшие в состав десанта.

У самой опушки сидит на траве группа медсестер. К ним подходит военврач 2-го ранга Дудыкин. Медсестры встают.

– Вольно, девочки, – говорит Дудыкин, – как настроение?

– Товарищ военврач, что слышно про наших? – спрашивает Лиза Мухина, та самая медсестра, с которой прощался капитан Симкин.

– Ничего не слышно, Лизавета, – отвечает Дудыкин, – А что вас так сильно беспокоит? Я ведь здесь, так какие могут быть проблемы?! Вот меня сильно беспокоит ваше неласковое отношение ко мне.

Почему вы меня избегаете? – он подходит к ней вплотную и обнимает, причем рука оказывается на ягодицах девушки. Лиза попыталась отстраниться, но он крепко прижимает ее к себе. Тогда она отталкивает Дудыкина и отбегает в сторону.

– А это вы зря, Лизавета, – насмешливо кривит рот военврач, – я ведь и обидеться могу.

– Товарищ военврач второго ранга, я прошу вас...

– Что просите?

Лиза молчит.

– Ладно, поговорим потом, – Дудыкин поворачивается к медсестрам спиной и, помедлив, идет прочь.

– Ты бы поосторожнее с ним, Лиза, – говорит одна из медсестер, полноватая, веснушчатая Наталья Пасечник, – Он очень плохой человек. Он с особистами дружит. Спирт ворует и вместе с ними пьет. Так что если захочет кому подлянку сделать, то запросто. Ты у нас человек новый, всего не знаешь. Он прошлой зимой все клеился к одной медсестре, та – ни в какую. Кончилось тем, что ее вызвали в НКВД, а там на нее уже целое дело, и энкэведешник сказал, что если она с Дудыкиным не договорится, то ей светит пятнадцать лет, а то и вышка. Отвезли ее к Дудыкину, у него собралась целая компания, человек десять, все пьяные, и они Ленку всю ночь имели, издевались по-всякому, да еще потом позвали шоферов, да еще кого-то и с ними тоже заставили. А потом Ленку арестовали и сказали, чтоб радовалась, что не на полную катушку ее раскрутили! Мол, за хорошее поведение ей больше пяти лет не светит.

– А ты откуда такие подробности знаешь?

– Знаю, рассказывали. Да и сам хвастался, чтоб боялись его.

– И что ж я теперь с ним спать должна?

– Ну, у тебя подруга, раз он на тебя глаз положил, два пути. Или к нему на койку, лечь на спину и не дергаться, или в лагерь.

– Да ты что! Ну, соглашусь я, а если Игорь узнает?

– Да ладно, все не так страшно. А Игорь твой, может, и не узнает ничего. Военврач наш все больше на новеньких лезет, а их сейчас смотри, сколько понагнали. Так что переспешь разок-другой, не убудет от тебя, а он, глядишь, да и отстанет, будет к другим клеится. А если он про Игоря твоего узнает, так и ему может подлянку устроить. Так что решай.

– А ты с ним спала?

– Спала, куда ж денешься. Да с ним все спали. Вон тетя Даша, ей уже под пятьдесят, а что ты думаешь? Он и ее на койку и... Говорю тебе, он не одной бабы не пропустит, верно девчата? Тот еще кобель. У него правило такое, нравится не нравится, молодая или старая, а все равно в койку. Главное галочку поставить, мол, такую-то поимел. Ко многим потом и не пристаёт больше.

ПРИКАЗ Народного Комиссара обороны СССР «О ВЫДАЧЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИМ ПЕРЕДОВОЙ ЛИНИИ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ ВОДКИ»

№ 16 июня 1941 г.

Во исполнение постановления Государственного Комитета Обороны от 15 июня 1941 г. за № приказываю:

1. С 1 июля 1941 г. производить выдачу 40° водки в количестве 100 граммов в день на человека красноармейцам и начальствующему составу передовой линии действующей армии.

Летному составу ВВС Красной Армии, выполняющему боевые задания, и инженерно-техническому составу, обслуживающему полевые аэродромы действующей армии, водку отпускать наравне с частями передовой линии.

2. Военным советам фронтов и армий:

а) выдачу водки организовать только для тех контингентов, которые определены постановлением Государственного Комитета Обороны, и строго контролировать точное его выполнение:

б) обеспечить своевременную доставку водки на передовые линии действующих войск и организовать надежную охрану ее запасов в полевых условиях;

в) за счет хозяйственного аппарата частей и подразделений выделить специальных лиц, на которых и возложить ответственность за правильное распределение водочных порций, учет расхода водки и ведение приходно-расходной отчетности;

г) приказать фронтовым интендантам представлять раз в десятидневку в Главное интендантское управление сведения об остатках и ежемесячно к 25-му числу заявку на потребное количество водки. В основу заявки положить точную численность действующих войск передовой линии, утвержденную военными советами фронтов и армий.

3. Потребность в водке на июль месяц определить Главному интенданту Красной Армии без представления заявок фронтами.

Зам. Народного комиссара обороны СССР
генерал-лейтенант интендантской службы А. В. ХРУЛЕВ

18 часов 10 минут. Берлин. Рейхсканцелярия

В кабинете Гитлера совещание высшего военного руководства. У разложенной перед Гитлером на столе карты стоит фельдмаршал Браухич с указкой.

– В настоящее время русским удалось полностью прорвать нашу оборону в направлении Кракова. Русские танковые части движутся в этом направлении, – показывает на карте, – И резервов, чтобы остановить их, у генерала Штюльпнагеля нет. 6-я армия фельдмаршала Раухенау, сдерживая наступление русских, отходит к Висле. Фельдмаршал опасается полного окружения. Войска группы армий «Центр» в настоящий момент в основном сумели отойти и занять рубеж обороны на Висле. Все попытки русских с ходу форсировать Вислу, отбиты. Фельдмаршал фон Бок сумел организовать свои части, вывести их из-под угрозы окружения и подтянуть резервы. В настоящий момент по всему рубежу на реке Висла организуется оборона. Но у фон Бока не хватает сил, чтобы прикрыть направление на Данциг. Если русские продолжат наступление в этом направлении, они могут отрезать всю Восточную Пруссию. Все войска фельдмаршала фон Лееба скованы русскими и у него тоже не остается сил для прикрытия этого направления. Но самая главная опасность сегодня – это наш правый фланг. Если русские в районе Кракова форсируют Вислу, ничто не сможет им помешать двинуться на Варшаву с севера, в обход линии обороны фон Бока. Кроме того, на этом направлении у нас сейчас совсем нет войск и в случае взятия Кракова для русских открыта дорога на Берлин. Нам нужно срочно перебрасывать войска с других театров, чтобы закрыть дорогу в Германию...

Гитлер вскакивает и мечется по комнате.

– Вы совершенно правы, Браухич, – почти кричит он, – Надо перебросить войска! Что толку оборонять Норвегию и Францию, если русские орды могут ворваться в Рейх? Ускорьте переброску всех, слышите, абсолютно всех войск, на новый рубеж обороны... Где будут остановлены русские? – Гитлер подходит к карте.

– Единственный удобный рубеж по линии Одер, или Одер-Нейсе, если русские захватят Силезию раньше, чем наши войска успеют занять оборону, – Браухич водит указкой, – Проблема в том, что у нас в настоящий момент нет войск для занятия этого рубежа. Мы собрали все части армии резерва, учебные и запасные части, но этого будет мало. Для их вооружения уже сейчас приходится использовать трофейное оружие. Для того чтобы удержать русских, нужны танки и артиллерия, в первую очередь противотанковая. Только тогда наши части смогут держаться до подхода войск с Балкан, из Франции и Норвегии. Но танков в нашем распоряжении почти нет, если мобилизовать все что есть в школах и в резерве, мы можем набрать около семисот танков, но подавляющее большинство из них – устаревшие Pz. I. С противотанковой артиллерией еще хуже, ее нет совсем. Единственный резерв – это зенитная артиллерия, – Браухич замолкает, вопросительно глядя на Гитлера.

– Да, – кричит Гитлер, – Надо поставить зенитную артиллерию. Что толку от них здесь, если русские нас бомбят, а наши зенитчики их не сбивают?! Геринг, слышите? Немедленно займитесь отправкой на новый оборонительный рубеж частей зенитной артиллерии. Нечего им отсиживаться в тылу. Мы остановим их. У нас еще 35 дивизий во Франции, у нас еще войска в Сербии и Норвегии. Мы начнем вооружать ополчение. Мы сформируем новые дивизии и остановим русских. А Францию и Норвегию, мы легко вернемся потом.

В небе над Берлином группа советских бомбардировщиков. Они сбрасывают бомбы на центр города. По ним бьют зенитки, все небо покрыто разрывами, но ни один самолет пока не сбит.

– Идем домой, – приказывает командир эскадрильи капитан Гастелло.

В это мгновение его самолет сотрясается от взрыва и заваливается на левое крыло. Капитан с трудом выравнивает машину. Из правого мотора валят черные клубы, в кабине дым.

– Радист, передай, – кричит Гастелло, – Самолет поврежден. Управление потеряно. Всем уходить домой!

Самолет опять резко заваливается на крыло, но Гастелло снова удается его выровнять. Но бомбардировщик упорно идет только в одном направлении и при этом быстро снижается.

– Экипажу покинуть машину, – командует капитан.

Через несколько секунд самолет сотрясает еще более сильный взрыв, и он начинает разваливаться на части. Но весь экипаж уцелел, и люди в воздухе торопливо дергают кольца парашютов – до земли совсем близко. С хлопанием раскрывается три купола. Только три, у лейтенанта Скоробогатого парашют не раскрылся, и он камнем летит вниз.

Капитан висит под куполом парашюта, внизу Берлин. Он замечает вдалеке черные точки, они быстро приближаются и скоро можно различить во всех подробностях. Это Мессершмиты, они гонятся за советскими бомбардировщиками. Один из истребителей слегка меняет курс и идет в сторону висящих под парашютами летчиков. Гастелло видит, как Мессершмит открывает огонь и как лейтенант Бурденюк висящий совсем рядом, вздрагивает, пулеметная очередь пробивает его тело, ему отрывает ногу, и она летит вниз, еще какие-то куски отрывает от лейтенанта. Где-то за спиной командир слышит страшный крик сержанта Калинина, видимо, и в него попали. Гастелло закрывает глаза и слышит свист пуль, пролетающих рядом, и затем рев пролетевшего самолета. Его лишь качнуло в воздухе. Живой! Немцам некогда добивать парашютистов, они спешат за уходящими бомбардировщиками.

Парашют продолжает снижаться, сильный ветер у земли закручивает его, капитана ударяет о стену дома на высоте третьего этажа. Парашют складывается, и Гастелло, цепляясь за стену, летит вниз. Он падает на мостовую, ломая ноги и руки. Боли в ногах он не чувствует и пошевелиться не может, видимо, поврежден позвоночник. Он лежит на тротуаре берлинской мостовой, вокруг собираются жители, только женщины.

Толпу расталкивает совсем молодая немка в элегантном платье и шляпке. Она секунду смотрит на лежащего летчика, затем с безумным воплем бросается на него, стараясь выцарапать ему глаза.

– Он убил моего сына, – кричит она.

Женщины, до этого безучастно и даже сочувственно смотревшие на летчика, бросаются на него и начинают топтать его ногами.

19 час 30 минут. Мост через Вислу, недалеко от Кракова

Несколько взрывов раздаются наверху оврага, прямо над головой у Родимцева, Сенцова и находящихся с ними бойцов.

– Вот черт, никак батальонные минометы, – произносит Сенцов.

– Не иначе, – соглашается Родимцев, – Кажется, они собираются воевать всерьез.

Еще взрывы, истошные крики. Вниз по склону кубарем слетает боец, полуголый, окровавленный. Он корчится и истошно кричит. К нему подскакивает старшина, прижимает к земле и зажимает рот.

– Унесите его, – кричит Родимцев.

Раненого уносят.

– Что с ним, товарищ капитан, почему голый? – спрашивает побледневший боец, сидящий рядом с радистом.

– Не трусь, сынок, – отвечает Сенцов, – Так бывает, взрывной волной от мины человека выкидывает из одежды. Ты не трусь, этот, видишь, живой остался, только контузило немного. Это ерунда.

Снова раздаются взрывы. Людей в овраге засыпает землей.

– А хреновые у немцев наводчики, товарищ полковник, – говорит, отряхиваясь Сенцов, – Третий раз уж в одно место бьют. Снарядов не жалко.

– Не кажи гоп, – Родимцев отряхивается, – Надо выбираться, посмотрим, что это они зашевелились.

По склону оврага спускается боец.

– Товарищ капитан, лейтенант Мальков велел доложить: танки появились.

Родимцев и Сенцов в один голос крепко ругаются.

– А твой лейтенант не напутал, – спрашивает Родимцев, пробираясь сквозь кусты следом за посыльным.

– Не, товарищ полковник, сейчас сами увидите. Тут у вас из-за стрельбы не слышно, должно быть, а мы моторы давно услышали, а потом с дерева видели – по дороге танки идут.

Запыхавшись, Родимцев и Сенцов прибегают на НП второй роты. В большой яме, укрытой под кустами орешника, сидит командир второй роты лейтенант Мальков с перевязанной головой, рядом с ним бойцы устанавливают станковый пулемет.

– Что с тобой лейтенант? – показывая на голову Малькова Родимцев.

– Ерунда, товарищ полковник, царапина. С того дерева наблюдали приближение немецких танков, не меньше двух десятков. Когда стрельба стихает, слышен шум моторов.

– Кто танки видел?

– Младший лейтенант Сахаров, товарищ полковник, командир второго взвода. Когда слышали шум моторов, он залез с бойцом вон на тот дуб. Крикнул, что видит танки. Я приказал считать, он насчитал восемнадцать. Тут их засекли немцы, у них вон там пулемет установлен, и обоих сняли. Мы пробовали с других деревьев смотреть, но дорогу с них не видно, а на этот дуб не залезть, немцы пристрелялись.

Родимцев выбирается на край канавы и несколько минут осматривается. Потом возвращается к группе пришедших с ним бойцов.

– Слушайте, ребята. Ты, старшина, берешь одного бойца, и пробираешься к тому дубу. Ствол толстый, если с обратной стороны лезть, то пули вас не достанут. Сержант, ты сделай так, чтоб немецкий пулемет замолчал. Хоть на несколько минут. Задача ясна? Тогда вперед.

Сержант снимает с ремня снайперскую винтовку и пробирается по небольшой впадине в сторону кустарника. Через несколько минут оттуда раздаются два негромких выстрела и после них негромкий присвист.

– Кажется, пулеметчик готов, – улыбается Сенцов.

Ветви раскидистого дуба, росшего рядом с НП, шевелятся, видно, что кто-то взбирается наверх. Немцы постреливают из винтовок, но попасть не могут. Снова работает вражеский пулемет, ему отвечают стрельбой десантники. Из кустов, где затаился сержант, раздаётся ещё три выстрела подряд – немецкий пулемет опять замолкает.

– Товарищ полковник, – раздаётся голос старшины сверху, – вы меня слышите?

– Ещё как, – отзывается Родимцев, – Орешь так, что тебя в Кракове слышно.

– Идут танки, штук пять прошло прямо сейчас и грузовики ещё какие-то едут. Видно плохо.

– Ладно, возвращайся. Ясно все. Похоже, сейчас жарко будет. Лейтенант, давай всех саперов, чтоб мины ставили по местам, где танки пройти могут. Лес тут густой, им особо развернуться негде. И огнеметчиков распредели по взводам. Радист. связь со штабом, – в трубку, – Владимир Яковлевич, у меня наконец-то очень плохие новости. Здесь на подходе танки и похоже не так уж мало. Для нас, во всяком случае. Пока они ещё не проявились, стоят за лесом, но видимо, долго без дела скучать не намерены. Давай две роты четвертого батальона и минометы сюда, на этот берег.

По другую сторону перелеска, менее чем в километре от НП, где находился Родимцев, полковник Штрейх вылезает из люка своего командирского танка и прыгает на землю. К нему подходит пехотный полковник с группой офицеров.

– Начальник штаба 278-го пехотного полка, полковник Штрассер, – представляется он.

– Командир 15-го танкового полка полковник Штрейх.

– Русские парашютисты утром захватили этот мост, – рассказывает Штрассер, – На мосту был взвод охраны и его полностью уничтожили. По приказу генерала я подтянул сюда два охранных батальона и ещё кое-какие мелкие части. Русские окопались и держат оборону. Имеющимися силами сбросить их в реку возможности не было. Сейчас подошел пехотный батальон моего полка, ещё один прибудет к утру, тогда же подтянется и полковая артиллерия. Сколько у вас танков?

– Здесь – тридцать шесть плюс рота мотоциклистов. К утру, самое позднее, к полудню, я смогу собрать весь свой полк. Но стоит ли ждать завтрашнего дня?

– У нас не такой большой перевес в силах. У русских, как мне кажется, не меньше трех батальонов пехоты. Ваши танки – это конечно хорошо, но мост со всех сторон окружен густым лесом и к нему ведет всего одна дорога, которую они могли легко заминировать. А из пехоты я могу рассчитывать только на один свой батальон – эти охранные части мало пригодны для настоящего боя.

– Наверное, вы в чем-то правы полковник, но вы не боитесь, что завтра утром на том берегу будут стоять русские танки? А мне приказано этот мост русским не отдавать. Я должен его оборонять, а если не смогу удержать, то мост должен быть уничтожен. Поэтому я предлагаю начать атаку прямо сейчас, пока не стемнело, и пробиться к мосту. И давайте не будем спорить. У нас одинаковое звание, но я все-таки командир полка, а вы только начальник штаба, и я думаю, что будет вполне справедливо, если командовать, пока буду я.

Штрассер недовольно кивает головой.

– Хорошо. Но как мы будем наступать? У нас мало времени, чтобы все спланировать.

– Что тут планировать, полковник. Я дам вам роту танков капитана Зигана, постарайтесь пробиться вдоль дороги к мосту. Я же проверю, так ли не проходим этот лес, как вы говорите. Если там есть хоть какая-то щель, мы туда влезем. Только выделите мне немного пехоты.

Со своего КП Симкин видел, как перебежали через мост две роты, идущие на помощь батальону Сенцова. За ними появились минометчики, впереди бежал, придерживая планшет

рукой, лейтенант, за ним боец двухметрового роста и могучего телосложения. Он тащил ствол батальонного миномета, казавшегося совсем небольшим на его плече. За ним бежал кривоногий маленький крепыш, тащивший боеприпас. Один ящик он поднял на плечо, второй держал в руке.

На противоположном берегу уже разгорался бой не на шутку. Трещали пулеметы, винтовочные выстрелы иногда сливались в непрерывный грохот. Бухали разрывы гранат.

– Товарищ капитан, – в окоп спрыгнул запыхавшийся боец, – Немцы на том берегу появились.

– Где?

– Вам отсюда не видно, а с нашей позиции хорошо видеть. Они никак наших обходят по берегу.

– Пошли посмотрим.

Сопровождаемый бойцом, Симкин побежал через лесок. В ближнем к реке окопе кроме нескольких десантников уже был командир второй роты старший лейтенант Комаров и его взводный лейтенант Юркин. Они смотрели на противоположный берег. Там можно было разглядеть несколько немцев, осторожно двигавшихся среди росших на самом берегу елей. Один из немецких солдат спустился к самой воде. Винтовка с примкнутым штыком, две гранаты с длинными рукоятками за ремнем, сдвинутая на затылок фуражка – немец был виден как на ладони.

– Много их там? – спросил Симкин.

– Пока насчитали пятерых, – ответил старший лейтенант, не отрывая взгляд от противоположного берега, – наших видеть обходят. нас вроде не засекли. Что прикажете, капитан?

– Надо их... – Симкин вдруг запнулся, – только лучше шуму не поднимать. Пулемет тут не сгодится, – он хлопнул по стоявшему на краю окопа «Дягтереву», – Надо их из винтовок. Есть у тебя стрелки хорошие.

– Найдется, – ответил Комаров, и обернулся к своим бойцам, – Позовите дядю Колю и Ковбасюка, – повернулся к одному из бойцов в окопе, – Дай-ка мне твою винтовку, сынок, – передернул затвор прицелился, кивнул, – Эй, кто-нибудь, дайте капитану винтовку.

Симкин взял поданную ему винтовку, и трое командиров устроились на краю окопа. Чрез минуту к ним присоединились двое бойцов: усатый сержант-сверхсрочник и худой рыжий боец с хитрым взглядом. Немцы были по-прежнему хорошо видны. Двигались они, осторожно разглядывая что-то невидимое с этого берега. Спускавшийся к воде немец, не переставая озираться, зачерпнул ладонью воды из реки, плеснул себе на лицо и полез вверх по невысокому склону. Пять выстрелов слились в один. Тот, что поднимался от реки, вздрогнул и, раскинув руки, рухнул в воду, забился, судорожно расплескивая грязь у берега. Двое среди деревьев упали замертво, один рванулся в кусты, бросив винтовку и держась двумя руками за грудь. Еще один немец скрылся за ствол дерева, откуда высунулся в сторону выстрелов ствол его винтовки. Грохнуло еще два выстрела, и убежавший раненый свалился.

– Ну-ка дядя Коля покажи, как надо стрелять, – сказал старший лейтенант.

Усатый сержант прицелился в прятавшегося за стволом немца. Тот лежал, не шевелясь под деревом, из высокой травы был виден только ствол винтовки. Сержант долго прицеливался, затем перешел на пару шагов вправо. Выстрелил. Немец дернулся и, перевернувшись на спину, стал елозить ногами, схватившись за живот. Сержант выстрелил еще раз. Немец затих, только чуть дергалась одна нога.

– Ну, дядя Коля, высший класс, – похлопал Симкин сержанта, – Ладно, я на КП, а вы тут посматривайте в оба глаза.

Немецкие танки осторожно двигаются по дороге, ведущей к мосту. Прячась за танками, шли пехотинцы. Из-за кустов раздается пулеметная очередь, двое солдат падает, остальные

прячутся за танками. Головной, не останавливаясь, открывает огонь по кустам из обоих пулеметов. Следовавший за ним тоже дает несколько пулеметных очередей по тем же кустам. Когда танки проходят вперед, несколько пехотинцев осторожно подбираются к месту, откуда по ним стреляли. Там, на земле, рядом с опрокинутым ручным пулеметом, лежат трое десантников, буквально изрешеченных пулями.

Танки доходят до последнего поворота перед мостом, теперь им остается пройти всего триста метров до Вислы. В этот момент раздается взрыв прямо под гусеницами головной машины. Тяжелый двадцатитонный Pz.VI подбрасывает, взрывом срывает левую гусеницу вместе с несколькими катками, и танк вертится на месте. С небольшой паузой гремят еще два взрыва. У следовавшего вторым Pz.VI загораются бензобаки, третий же легкий Pz. II швыряет в придорожную канаву, где он переворачивается. Со всех сторон из леса идет пулеметная стрельба. Из горящего танка выскакивают двое танкистов, на одном горит одежда. Пулеметная очередь тут же сбрасывает их на землю. В это мгновение в танке взрываются боеприпасы. Башню вместе с пушкой подбрасывает на несколько метров вверх, и она рушится, ломая придорожные деревья. Немецкие стреляют по придорожным кустам. Из кустов в ближайшую машину ударяет струя пламени из огнемета. Танк вспыхивает. Начинается перестрелка в лесу. Это две роты, подошедшие с левого берега, атакуют немецкую пехоту,двигающуюся вдоль дороги. Немцы идут в обход, оставляя незащищенными стоявшие на дороге танки. Десантники подбираются сквозь придорожный кустарник к танкам почти вплотную и пускают в дело огнеметы. На дороге остаются семь танков, остальные, огрызаясь во все стороны пулеметным и артиллерийским огнем, отходят.

На левом фланге остатки роты лейтенанта Малькова медленно отходят через редкий лес. Полтора десятка танков, продираясь между деревьями, обстреливают из пулеметов каждый подозрительный кустик или дерево. Между танками мелькают фигуры пехотинцев. Двое бойцов с огнеметом выскакивают из-за дерева метрах в десяти перед немецким танком. Башня его повернута чуть в сторону, и танкисты не успевают выстрелить. Но из-за танка раздается автоматная очередь. Пуля ударяет одного бойца в живот. Ноги бойца подгибаются, он медленно падает. Еще одна пуля попадает в огнеметчика, и в это же мгновение расцветает струя пламени из огнемета. Но, предназначенная для танка, она, следуя движению подавшего солдата, описывает в воздухе дугу и задев раненого, неожиданно разворачивается назад. Двое красноармейцев, спешащих на помощь товарищам, мгновенно превращаются в факелы. Объятые пламенем, бойцы выскакивают из-за дерева и тут же падают, скошенные пулеметной очередью из надвигавшегося танка.

Лейтенант Мальков с наганом в руках из-за дерева наблюдает за движущимися к нему танками. Они ползут медленно, осторожно. Санитар бинтует его левую руку, простреленную чуть выше локтя. Бинта не хватает, в ход идет рукав нижней рубахи лейтенанта, а затем и оторванный рукав гимнастерки.

– Быстрее, – лейтенант косится на санитаря, морщится от боли, – Саперы, давай!

Танк приближается, до него остается метров пятьдесят. Навстречу ему ползет коренастый уса́тый старшина-сапер, то ли казах, то ли узбек. Старшина приподнимается на руках, выглядывая из зарослей папоротника. Затем переползает к двум стоящим рядом елкам. Танк совсем близко. Старшина, убедившись, что танк точно направляется к нему, достает из заплечного мешка плоскую противотанковую мину и, распластавшись, как ящерица, ползет вперед. Он осторожно пристраивает мину под небольшую валежину, колдует над ней и, быстро загребая руками и ногами, отползает. Едва старшина успевает скрыться за огромной елью, как танк наезжает на мину. Валежина под гусеницами хрустит, приподнявшись концами по обе стороны танка, и тут же гремит взрыв. Десятитонную машину подбрасывает вверх.

– Молодец, старшина, – кричит Мальков.

Через минуту показываются двое бойцов, тащивших старшину с перебитыми ногами. Но на них уже никто не обращает внимания – новые танки, обходя вековые ели и ломая подлесок, приближаются к десанникам. Те связывают в связки оставшиеся ручные гранаты.

Родимцев с группой сопровождавших его бойцов спускается в овраг, где находится КП батальона.

– Где Сенцов? – кричит он.

– Ранен, товарищ полковник, – подскакивает к нему лейтенант.

– Seriously ранен?

– В ногу, осколок попал, выше колена, кость, вроде, не задета.

– Где он?

– Сюда, товарищ полковник.

Чуть выше по оврагу складывают раненых. Капитан Сенцов лежит на земле, нога в окровавленных бинтах, под головой охапка веток. Капитан без сознания.

– Постарайтесь отправить раненых на тот берег, – бросает Родимцев, и бежит обратно. – Связь со штабом дай, – на ходу кричит он радистам. Хватает трубку, – Владимир Яковлевич, как у вас там?

– У нас все по-прежнему, – отвечает майор Борисов, – Как у вас?

– Пока терпим, но на левом фланге немцы очень сильно жмут. Не знаю, сколько продержимся. Скоро от батальона ничего не останется. Готовьте еще одну роту, наверное, понадобится.

– Может, вам стоит сюда перебраться, Александр Ильич?

– Сейчас нельзя. Сенцов ранен. Да и виднее мне отсюда. Вы, главное, не проморгайте тот берег, а мы как-нибудь до темноты продержимся. А ночью, я думаю, немцы атаковать не станут.

Над головой Родимцева раздается грохот взрыва, затем рев танкового двигателя. Все, кто находится на дне оврага, поднимают головы. К оврагу прорывается немецкий легкий танк Pz. II. Он наезжает прямо на укрывшихся в неглубоком окопе бойцов и утюжит окоп. Раздаются дикие вопли попавших под гусеницы. Немецкие танкисты не разглядели оврага, танк сползает по склону и переворачивается. Один из красноармейцев попадает между катками, его рвет на куски, как в мясорубке – и крики заглушают даже близкие разрывы мин и гранат. Танк сползает вниз, опрокинувшись вверх дном.

– Старшина, – кричит Родимцев, – Люк!

Старшина и двое бойцов бросаются к танку. Люк открывается, но когда по танку забарабанили сапоги старшины, его пытаются захлопнуть. Поздно! Старшина стреляет из автомата в щель, затем распахивает люк и орет:

– Ханде хох, сволочи!

Подбежавшие бойцы помогают старшине вытащить немецкого танкиста. На него страшно смотреть, видимо, при падении танка немцу чем-то перебило ноги, и они болтались как тряпки. Раненого оттаскивают в сторону. Он в сознании, но не кричит и даже не стонет. Старшина заглядывает в люк и дает короткую очередь, для порядка.

– Там все готовы, – кричит он Родимцеву.

Бойцы подхватывают немецкого танкиста под руки и подтаскивают к перевернутому танку. Одна гусеница его еще вращается. Они бросают танкиста между гусеницей и катком, головой вперед, не успевая увернуться от фонтана крови.

– Старшина, наверх, – кричит Родимцев. Старшина кивает и карабкается по склону оврага. Поднявшись, он оглядывается, спрыгивает вниз и докладывает:

– Немцы!

– Все наверх, – командует Родимцев.

Бойцы, находящиеся на КП, поднимаются наверх. Впереди за деревьями мелькают фигуры немцев. Десантники открывают по ним огонь из винтовок и автоматов, двое устанав-

ливают ручной пулемет со сломанными сошками в корнях дерева и бьют прицельно. Немцы залегают.

Через час темнеет, и бой сам собой стихает. Десантники отходят на новые позиции. Родимцев устраивает свой командный пункт у самого моста, метрах в пятидесяти, под большим дубом. Красноармейцы роют окопы.

17 июня. 2 часа 15 минут. Штаб Юго-Западного фронта

В комнате сидят командующий фронтом генерал Кирпонос и член военного совета Вашугин. Входят начальник штаба Пуркаев и начальник оперативного отдела полковник Баграмян.

– Докладывайте, что с третьим корпусом, – устало говорит Кирпонос.

– Товарищ командующий, третий корпус атакован значительными силами противника, – докладывает Баграмян, – Шестая и часть двести двенадцатой бригады ведут бои с немецкой пехотой и танками вот в этом районе, – показывает на карте. Кирпонос наклоняется вперед, смотрит и кивает, – Сегодня в интересах корпуса работала наша авиация, конкретно – шестнадцатая авиадивизия. Генерал Глазунов докладывает о больших потерях, но сдержать противника и не дать ему прорваться к Висле, видимо, сумеет. Плохо другое. Полковник Родимцев, который удерживает мост, – снова показывает на карте, но Кирпонос уже не смотрит, а только кивает, – докладывает, что он атакован большим количеством танков. Бригада понесла серьезные потери, свыше половины личного состава. На завтрашний день не хватит боеприпасов, противостоять танкам бригада долго не сможет – у них ни одной пушки.

– Что у Власова? – спрашивает Кирпонос.

– Передовые части четвертого мехкорпуса будут у моста в одиннадцать-двенадцать часов завтрашнего дня. Власов получил горячее и боеприпасы. С левого фланга Власова поддерживают части пятого кавкорпуса, справа – пятнадцатый мехкорпус. Стрелковые части отстали почти на тридцать километров.

– Что вы предлагаете?

– Мы предлагаем завтра с утра, использовав все наличные транспортные самолеты, перебросить Родимцеву боеприпасы и подкрепление. Поддержать его действия авиацией. Надо приказать Власову еще ускорить движение...

– Пехоту гоните, пусть идут всю ночь, но чтоб танки догнали, – вставил Вашугин.

– Товарищ член военного совета, – произнес Пуркаев, – Если стрелковые части заставить двигаться маршем всю ночь, то они днем не смогут сражаться. Люди ведь не машины, а такого даже машины не выдерживают.

– Да, наши люди не машины, – резко возражает Вашугин, – Поэтому они и могут сделать больше.

– Не будем спорить, – говорит Кирпонос, – Член военного совета прав. Танки надо нагонять. Но и вы, товарищ Пуркаев, правы. Прикажете сократить время отдыха вдвое. Власов пусть идет, не останавливаясь. Что у вас еще по этому вопросу?

– По этому вопросу все, товарищ командующий.

Кирпонос несколько секунд смотрит прямо перед собой, затем, словно вспомнив о присутствующих, кивком головы отпускает их.

Пуркаев и Баграмян выходят и направляются к дому, где расположился оперативный отдел штаба.

– Почему ты ничего не стал говорить о планах? – спросил Пуркаев, – Думаешь, он ничего не слышит?

– А что слышит? Мне кажется, ему все равно, что мы говорим, он не вникает. Что Жуков, что этот. Вперед в атаку, вот и вся наша стратегия! А если что не получится, то расстреляют. Меня или тебя, или обоих вместе. А может, кого другого расстреляют. Им ведь все равно! Зама по тылу расстреляли, сегодня, а за что? За то, что его никто не слушал, когда он говорил, что нужен транспорт и не простой, а специальный, бензозаправщики, тракторы для эвакуации. Что мы имеем сегодня? Четвертый день войны, а сколько танков вдоль дорог стоят! Немцы столько подбить не смогли. Горячее подвозить не на чем...

– Ты, Иван Христофорович, осторожнее бы говорил. Уши здесь везде, ты же знаешь. В лагерь хочешь? Не торопись – успеешь. Все там будем. Давай покурим здесь, успокойся, эмоции спрячь.

В этом бардаке ты все равно ничего не изменишь. И я ничего не изменю. И никто не сможет что-то изменить.

3 часа 20 минут. Кречевцы. Аэродром 40-й дальнебомбардировочной авиадивизии

Палатка военврача Дудькина.

В палатку входит медсестра Лиза Мухина.

– Вызывали, товарищ военврач второго ранга, – ее голос чуть дрожит.

– Вызывал, – он подходит к ней вплотную, – Ты, Лизавета, что ж меня избегаешь? Нехорошо это. Я к тебе всей душой, а ты?

Лиза молчит. Он кладет руку к ней на грудь и сжимает. Лиза вздрагивает, но не отталкивает.

– Товарищ капитан, – она с трудом сдерживается, чтоб не разрыдаться, голос дрожит, – У меня жених есть.

– Поздравляю, – усмехается Дудькин, – Но я и не собираюсь тебя у твоего жениха отбивать. Не могу я на тебе, Лизавета, жениться. Ибо женат я уже. Я так, по-дружески, по-товарищески. Чтоб не скучно было, скрасить, так сказать, фронтовое одиночество. Ты слушай, сучка, – его тон становится угрожающим, – Хочешь неприятностей так и скажи. Будут у тебя неприятности!

Он резко толкает Лизу на койку, она падает на живот, лицом вниз. Дудькин подходит к ней и резким движением задирает сзади юбку. Лиза, подавляя крик, до крови закусывает губу и утыкается в жесткую подушку.

5 часов 30 минут. Мост через Вислу, недалеко от Кракова

Двенадцать советских штурмовиков И-15 идут над Вислой. Над мостом ведущий покачивает крыльями – делай как я (на самолетах нет радиосвязи), и уходит в сторону от реки. Внизу видно дорогу, по которой пылят немецкие танки и автомашины. Самолеты заходят на дорогу. Из-под крыльев штурмовиков вырываются огненные стрелы и летят к танкам. Это реактивные снаряды. Дорога превращается в море огня. Самолеты еще раз разворачиваются и вновь делают заход. Выпустив все снаряды, они ложатся на обратный курс. Но им на смену от реки идет еще десяток. Новая группа проходит над мостом, внизу видны то и дело поднимающиеся разрывы мин и гранат. Ведущий видит немецкие танки,двигающиеся через невысокий кустарник. Самолеты проходят над атакующими танками, разворачиваются и возвращаются к реке. Ведущий выпускает одним залпом все свои реактивные снаряды, его примеру следуют остальные, но они чуть-чуть опаздывают. Большинство снарядов проходят над танками и летят дальше, туда, где за деревьями, мелькают огоньки выстрелов. Там держат оборону десантники пятой бригады.

Штурмовики ложатся на обратный курс, но в это время подспевают немецкие истребители. Два «Мессершмита» догоняют советские самолеты, когда они еще над позициями десантников, и два И-15 пустив хвосты дыма, тянутся к земле. Дальнейший ход боя уже не виден, да и тем, кто на земле, не до того. У них есть дела поважнее.

Отдельные мины рвутся уже у самого КП Родимцева. Десантники медленно отступают по всей линии обороны. Немцы теснят. Штурмовики лишь немного облегчили положение красноармейцев. Атака немцев приостановилась, но через несколько минут вновь возобновилась.

Через мост на правый берег бегут десантники роты, вызванной Родимцевым. Но немцы, уже вышедшие к берегу, ведут по мосту огонь из пулеметов. Многие бойцы падают, но большинство добирается до противоположного берега. Командир роты подбегает к Родимцеву.

– Командир второй роты, старший лейтенант Гусев, товарищ полковник. Куда прикажете вести роту?

– Уже никуда, Гусев. Занимай оборону прямо здесь. Это наш последний рубеж. Нам отсюда дороги нет. Впереди немцы, а через мост уже и не пройти.

– Товарищ полковник, майор Борисов просил передать: вернулись наши разведчики. Километрах в трех обнаружены немцы. Какие-то тыловые части. Языка взяли, но не донесли, по дороге кончился.

– Обрадовал, ты меня. Ладно, занимай оборону.

Капитан Симкин и майор Борисов на КП бригады слушают доклад разведчиков.

– Немцы идут осторожно. На вскидку, не больше батальона, артиллерии и прочей техники не видно, даже минометов нет. Несколько повозок. Вид у них сильно потрепанный, будто только что из боя.

– Может быть, наши на подходе, – произносит Симкин, – Пора бы уже.

– Может, и на подходе, – отвечает начштаба, – Только теперь иметь дело с этими немцами придется нам. А у нас с тобой две неполные роты и патронов кот наплакал.

– Товарищ майор, – один из бойцов указывает рукой, – Смотрите.!

Над лесом появляются десять самолетов ТБ-3, от них отделяются черные точки, над которыми тут же разворачиваются белые купола.

– Наши, – произносит майор, – Наконец-то!

– Товарищ майор, – замечает лейтенант-разведчик, – Там немцы. Они их прямо на немцев сбросили.

И тут же, как подтверждение его слов, до них доносятся звуки выстрелов.

– Лейтенант, дорогой, бери своих ребят, выручай. Игорь, выдели ему еще хоть десяток бойцов. Они же наших всех положат там зазя!

– Слушаюсь, Владимир Яковлевич, – Симкин кивает стоявшему неподалеку сержанту, – Федорчук, пойдешь со своими людьми с лейтенантом.

Бойцы бегом бросаются к лесу. Симкин и Борисов смотрят им вслед. Все сброшенные парашютисты к этому времени исчезли за деревьями. Неожиданно чуть левее того места, где скрылись разведчики, слышатся выстрелы, затем – разрывы гранат. Еще несколько выстрелов раздаются на правом фланге. Через несколько минут стрельба уже слышна отовсюду.

– Ну, дождались и мы! – воскликнул Борисов, – По местам, ребята!

Полтора десятка бойцов и командиров, все, что остались на КП, рассредоточиваются по траншее. Неожиданно с ревом из-за деревьев выскакивают и проходят над самыми головами самолеты со звездами на крыльях. Но поднять голову и посмотреть на них некогда. Справа из леса, метрах в ста от моста, появляются немцы, человек двадцать. Симкин бросается к ручному пулемету и тащит его на правый фланг, сержант-радист помогает установить пулемет и встает вторым номером. Симкин открывает огонь, когда немцы уже метрах в пятидесяти. Он видит, как пули ударяют в грудь бегущего впереди немца... На бруствере окопа поднимаются фонтанчики земли – стреляют немцы. Симкин смотрит через плечо: сержант-радист сползает по стенке окопа, держась за грудь. В это мгновение он успевает уловить боковым зрением движение – здоровенный немец швыряет гранату. Капитан падает на дно окопа, несмотря на шум боя, слышит удар упавшей на бруствер и ударившейся о пулемет гранаты. Граната вниз не скачивается, взрываясь на бруствере.

Симкин, весь засыпанный землей, пошатываясь, встает. Рядом с ним лежит радист, чуть в стороне он видит майора: лицо засыпано землей, левая нога превратилась в кровавое месиво, рука сжимает наган. Симкин поворачивается к пулемету – от того остались одни обломки. Капитан вытаскивает из кобуры пистолет и, шатаясь, делает несколько шагов по окопу в сторону моста. Дым и пыль мешают разглядеть происходящее. Он видит, как в окоп кто-то прыгает, и стреляет. Бросается вперед. По стенке окопа медленно сползает немецкий солдат, совсем еще мальчишка, лет восемнадцати-девятнадцати. Он смотрит на Симкина, рот его открывается и закрывается: то ли он что-то хочет сказать, то ли воздуху не хватает. Винтовку из рук немец выпустил, обеими руками сжимая рану на груди. Между пальцами стекают струйки крови. Симкин делает движение к нему, в порыве помочь, но следующим движением хватается винтовку и выглядывает из окопа. Впереди, в нескольких метрах бегут немцы. Не к нему, в сторону моста. Он стреляет в них, передергивает затвор, снова стреляет. Несколько пуль ударяют о бруствер, и капитан спускается на дно окопа. Смотрит на убитого им немца. Тот неподвижно лежит ничком. Симкин передергивает затвор, убеждается, что патронов нет, подхватывает свой пистолет, и высовывается из окопа. Видит бегущих немцев и снова стреляет в них. Второго выстрела не получилось. Заметив его, один из немцев вскидывает карабин, целится. Совсем рядом с капитаном раздается выстрел, и немец, выронив винтовку и держась обеими руками за грудь, медленно падает. Симкин, присев на корточки в окопе, вытаскивает запасную обойму и, не глядя, вставляет ее в пистолет, поворачивается в сторону выстрела. Стрелял один из связистов штабной роты, фамилию его Симкин не помнил. Боец, передергивая затвор карабина, обращает к капитану веснушчатое лицо и подмигивает.

– Держитесь, капитан, – кричит конопатый связист.

Капитан видит, как в следующее мгновение резко дергается голова парня, как брызнуло фонтаном что-то красное из затылка, и боец отлетает на противоположную стену окопа. И тут капитан замечает упавшую на дно окопа гранату, всего лишь в нескольких шагах. Он успевает упасть и закрыть голову руками. Грохает взрыв, за ним второй... Симкин садится на дно окопа,

держась за голову. Затем он слышит разноголосое «ура». В окоп прыгают какие-то люди, Симкин сначала не понимает, что это свои. К нему подбегает лейтенант-разведчик.

– Товарищ капитан! Игорь, ты живой? Ты что, ранен?

– Миша, ты откуда? Мы же тебя уже похоронили.

– Это вы поторопились. У меня шестнадцать человек, два ручных пулемета. Продержимся. Тут вокруг такой грохот стоит. Это, точно, наши идут!

Над Вислой показывается еще одна группа советских самолетов. Ближние бомбардировщики Су-2, заходят на немцев от реки и бомбят пехоту и танки, идущие в атаку на мост. С левого берега из леса вырываются несколько танков БТ и, обгоняя бегущих немцев, мчатся к мосту, стремительно проскакивают мост и уже на том берегу вступают в бой. Головной БТ съехав с моста, двинулся по дороге, менее чем в ста метрах от него бежали навстречу немецкие пехотинцы. Увидев танк, они бросились прочь с дороги, лишь одного успели сбить пулеметной очередью танкисты. БТ разъезжались в разные стороны от моста и останавливались, дожидаясь подкрепления.

Из леса появляются новые танки с пехотой на броне. Группа КВ выходит к берегу рядом с развороченным КП бригады и останавливается. Из люка вылезает младший лейтенант Озеров и подбегает к окопу. У самого бруствера лежат несколько убитых немцев и красноармейцев. Озеров заглядывает вниз. Там на дне сидят четверо, в рваных и грязных гимнастерках, с винтовками в руках.

За спиной Озерова столпились другие танкисты.

– Эй, земляки, – зовет кто-то из танкистов, – Вы там как?

Один из сидящих поднимается на ноги, смотрит вверх:

– Вы как раз вовремя, ребята, еще бы немного и... Покурить есть у кого?

Кто-то из танкистов достает кисет с табаком, протягивает.

– Кто тут старший, – спрашивает Озеров, – Вы?

– Нет, старший – он, командир первого батальона капитан Симкин. Я лейтенант Довженко, командир разведзвода.

– Товарищ лейтенант, – сзади подбегает радист Озерова красноармеец Павлов, – Комбат приказал вам идти на тот берег, там немецкие танки.

– Ну, бывайте, земляки, – кивает Озеров, – Теперь наша работа.

– Задайте им там от нас, – кричит вдогонку Довженко, опускаясь на дно окопа.

Танкисты разбегаются по машинам. Танки медленно перебираются через мост, на том берегу их встречает комбат.

– Слушай, лейтенант, – майор Рябинцев, торопливо докуривает папиросу, – Наши БТэшки наткнулись на мины, десантники заминировали дорогу, а может и еще что, но узнать не у кого, тут, вроде, и живых-то никого не осталось. Слева немецкие танки. Давай со своим взводом через лес, там, может, мин нет.

Полковник Штрейх стоит, наклонившись к люку танка, и говорит в микрофон.

– Господин генерал, к русским подошло подкрепление. Русские танки уже на этом берегу. Мои танки почти вышли к мосту, но там сплошные мины. Русские жгли танки огнеметами, я потерял почти все машины. Нам нужно прикрытие с воздуха, русские самолеты жгут мои танки. Пехоты почти не осталось... Я не паникую и не трушу, господин генерал. Я просто хочу сказать, что сделал все возможное. Все что осталось от моего полка под командованием полковника Штрассера отходит на север. Полковник Штрассер тяжело ранен, он не может оставаться. Я с пятью танками и взводом саперов попробую прорваться к мосту, я надеюсь, что мне это удастся. Я выполню свой долг. Прощайте, господин генерал.

Штрейх бросает микрофон и машет рукой водителю своего танка. Сам он подбегает к ждавшему его Рз. III и влезает на башню. Как только полковник скрывается в люке, танк с десантом саперов на броне направляется к мосту. За ним – еще четыре машины.

Немецкие танки двигаются по лощине, поросшей высоким кустарником, скрывающим боевые машины полностью. Лощина выводит их прямо к мосту. Над немцами с ревом проходят несколько Су-2. Сверху танки видны как на ладони. Раздаются взрывы, самолеты пускают реактивные снаряды. Загорается один танк, второй, третий. Два уцелевших выскакивают из кустарника – в пятидесяти метрах въезд на мост. Прямо перед немцами, повернувшись к ним бортом, стоят советские БТ. Два выстрела в упор и два БТ разлетаются на куски. Немецкие танки идут вперед, один из них успевает сделать еще выстрел с расстояния не более десяти метров. Снаряд прошивает советский танк насквозь. Экипаж БТ успевает выстрелить в ответ. Немец вспыхивает. Последний немецкий танк, протаранив грузовик, прорывается к мосту, его башня разворачивается и пушка нацеливается на мост, забитый техникой.

– Водитель, давай прямо на мост, – кричал полковник Штрейх.

В этот момент слева от танка полковника Штрейха появляется КВ, ранее не видный из-за горящих БТ. Башня отвернута в сторону. КВ на полном ходу ударяет немецкий танк в борт, от удара тот меняет направление движения и вместо моста движется прямо в реку. Водитель не может остановить заскользившую по склону машину, и танк, накренившись, уходит в воду.

– Все из машины, – кричит Штрейх.

Первым из люка выскакивает наводчик. С берега и с моста раздаются несколько винтовочных выстрелов, раненый наводчик, бросается в воду и плывет. Остальные члены экипажа тоже выбираются наружу и пытаются доплыть до берега. Полковник покидает танк через боковой башенный люк, дальний от берега, поэтому пули его не задевают. Он сразу же ныряет и плывет под водой до тех пор, пока не понимает, что его легкие сейчас взорвутся. Он чувствует, как головой раздвигает какие-то стебли, и тут приходится выныривать. Оказывается, что он все-таки правильно выбрал направление, и теперь полковника скрывают прибрежные камыши. Он не видит, что происходит совсем рядом, но по выстрелам и вскрикам, догадывается, что русские добивают в воде его танкистов. Полковник пробирается по камышам дальше от моста.

КВ лейтенанта Озерова, протаранивший танк Штрейха, стоит у самого спуска к реке с рваной гусеницей. Экипаж осматривает повреждения. К танку подходит командир роты капитан Ряхин.

– Ну что у тебя, лейтенант? – спрашивает он Озерова.

– Да вот, товарищ капитан, гусеницу сорвало, но это ерунда, гусеницу починим. Полетели фрикционы левого борта и, похоже, что-то с дизелем.

– Мать честная, что ж ты так. Ты, конечно, герой, будем тебя к награде представлять. Но танк-то так угробить!

– Так, товарищ капитан! Машина сколько ж без ремонта... Я ж не разу не ремонтировался. А отмахали... Никакая техника столько не выдержит.

– Ладно, ладно. Твоей вины тут, понятно, нет. А вот мне что делать, если без тебя у меня пять машин в роте осталось?! Короче, слушай, лейтенант. Мы уходим, а тебя оставляем здесь, будешь мост охранять. Сейчас тебя ребята в сторону оттащат. Ремонтников дождешься, почишься и догоняй нас. Все, лейтенант, счастливо оставаться!

Капитан Рябинцев ошибся, когда сказал, что все десантники погибли. Не все. Из засыпанных стрелковых ячеек, из воронок, из прочих укромных мест выбираются легко раненые. Поняв, что все закончилось, большинство уцелевших безучастно сидят на своих позициях,

курят, у кого оставался табак. Некоторые, наиболее сильные, отыскивают своих товарищей, тяжело раненных или убитых.

КП полковника Родимцева завален рухнувшим деревом и засыпан землей. Из-под дерева вылезает Родимцев, трясет головой, смотрит на разбитый немецкий танк, замерший в трех метрах от окопа.

– Эй, сынок, ты живой, – он толкает почти полностью засыпанное землей тело.

Лежащий шевелится, стряхивает землю, садится, озираясь по сторонам.

– Ну, чего? – спрашивает Родимцев, – Ты меня слышишь? Не слышишь? Контузило. Ничего сынок, главное, жив, – и смотрит на стоящих неподалеку танкистов, – Эй, братцы, покурить не найдется?

Ему свертывают самокрутку, полковник садится на ствол дерева и с наслаждением закуривает, поглядывая по сторонам.

18 часов 05 минут. Лондон

На посадку заходит «Летающая крепость» – тяжелый четырехмоторный американский бомбардировщик. Он садится, вырубивает к зданиям аэропорта. Моторы замолкают. Из люка выбирается личный представитель президента США Гарри Хопкинс. С группой сопровождающих его лиц он подходит к машинам, и они на полной скорости едут на Даунинг-стрит, в резиденцию премьер-министра.

В кабинете Черчилль и Хопкинс, наедине.

– Президент желает, чтобы мы обсудили сложившуюся в Европе ситуацию как можно быстрее, – говорит Хопкинс, – Поэтому я прямо с самолета к вам, хотя, надо сказать, перелет через океан был достаточно утомительным.

– Я ценю эту жертву с вашей стороны, – склоняет голову Черчилль, не выпуская изо рта сигары, – Но положение действительно таково, что нам желательно лучше знать позиции друг друга в связи с последними событиями.

– Вам уже, наверное, известно, что сразу после начала русскими войны против Германии президент принимал русского посла Громыко. Тот заявил, что Советская Россия рассчитывает на помощь американцев. Речь идет, разумеется, не о военной помощи, а об экономической. Громыко сказал, что Советский Союз планирует значительно увеличить закупки в Штатах товаров и сырья. Речь, разумеется, шла о стратегическом сырье и различных товарах военного назначения, необходимых русским либо для производства вооружений и боеприпасов, либо для непосредственного ведения военных действий. В последнем случае речь в первую очередь шла о транспорте – машины, паровозы. При этом русский посол напомнил закон о ленд-лизе. Громыко много говорил о том, что сейчас только Россия может избавить Европу и весь мир от угрозы фашизма. Как вы понимаете, президент сейчас находится в сильном затруднении. Распространить на Советскую Россию действие ленд-лиза пойдет только сумасшедший. С другой стороны, президент считает, что необходимо оказать помощь русским, но хочет подождать развития событий.

– Ваш президент прав, – Черчилль тянется за сигарой, – Сейчас надо ждать. Столкновение России и Германии, к которому все мы так стремились, наконец, случилось. Теперь надо понять, как оно может закончиться и сделать все, чтобы результат этого столкновения был максимально благоприятным для всех нас.

– Какие же у вас прогнозы, сэр?

– Для того, чтобы строить прогнозы, у нас слишком мало информации. У Германии лучшая сухопутная армия в Европе и спорить с этим глупо. У русских армия намного хуже, но она велика и, как показал опыт войны с финнами, их генералы не останавливаются не перед какими жертвами. И тот, и другой противники для нас опасны. Даже трудно сказать, что опаснее – профессионализм немцев или фанатизм русских. Если бы они объединились, это было бы самое худшее из того, что могло случиться. То, что они вцепились друг другу в горло, уже хорошо. Я уверен, что при любом исходе этого столкновения победитель будет настолько ослаблен, что перестанет представлять серьезную силу. Многие опасаются, что русские, быстро разгромив немцев, скоро встанут на том берегу Ла-Манша, и мы окажемся в той же, если не в еще более худшей ситуации. Я считаю, что пока рано об этом говорить.

– Что вы можете сказать по ситуации в Румынии, Турции и в Скандинавии?

– На мой взгляд, как раз развитие событий в этих районах и покажет нам, насколько мы можем доверять русским. Что касается Румынии, то захват ее русскими, видимо, дело нескольких недель. И дальнейшее продвижение русских на Балканы неизбежно. Но это пока не выходит за рамки войны с Германией и Италией. Ситуация в Турции очень сложная. Русские предъявляют к туркам все новые требования, каждый раз все более ужесточая их. На границе

с Турцией продолжается сосредоточение войск. У меня создается впечатление, что нападение на Турцию для русских – вопрос решенный, но время еще не пришло. Я бы на месте русских дождался развития ситуации на Балканах и потом уже занимался Турцией.

– Возможно, так оно и есть, – вставил Хопкинс.

– Возможно, – ответил Черчилль, – Что касается скандинавских стран, то тут тоже все очень сложно. Сталин, видимо, не оставил своих стремлений по захвату Финляндии, но пока не торопится это осуществить. Действия русских в отношении Финляндии предельно корректны. Пока. В Северной Норвегии русские, насколько нам известно, начали действовать активно, но очень ограниченными силами. Что связано со сложными географическими условиями. Немцы не оказывают серьезного сопротивления и не пытаются удерживать свои позиции. Насколько нам удалось узнать, немецкое руководство приняло решение о срочной переброске из Норвегии в Германию большей части войск. Поэтому, видимо, жесткого отпора в Норвегии русским не будет. Остается только жалеть, что мы не располагаем силами для немедленного десанта там. Все что можно сделать – это заслать туда наших эмиссаров и попытаться поднять восстание против немцев. Восстание вполне может быть успешным, учитывая то, что немцам сейчас не до Норвегии. Если Норвегию освободят сами норвежцы, а не русские, то тогда по развитию событий там, мы сможем понять, как русские намерены себя вести в остальных странах. Интересны также взаимоотношения русских со Швецией. Они обвиняют шведов в пособничестве Германии, в фактическом нарушении нейтралитета. Конечно, поставки из Швеции в Германию огромны, но это все, в чем можно обвинять шведов. Тем более что поставки русских в Германию были, насколько я знаю, значительно больше. Отношения между этими странами накаляются все больше и больше. Русские корабли смело заходят в шведские территориальные воды, русские самолеты периодически летают над территорией этой страны. Шведы объявили мобилизацию и готовятся к самому худшему.

– Хватит ли у русских сил на все это?

– Не знаю. По последним сведениям, силы русских чудовищны. Около трехсот дивизий, почти десять тысяч танков и столько же боевых самолетов. Кроме этого русские начали формирование новых дивизий и мобилизовали свыше десяти миллионов человек. Армия таких размеров, даже учитывая плохой уровень ее подготовки, очень опасна.

21 час 15 минут. Севернее Кракова

По мосту через Вислу непрерывным потоком идут танки, машины, колонны пехоты. В небе барражируют истребители. На бреющем полете в сторону Кракова проходит группа Су-2. От колонны машин отделяются несколько броневиков. Головная машина подъезжает к одинокому КВ стоящему рядом с въездом на мост. Из машины выходит генерал Власов, навстречу ему выскакивает Озеров.

– Товарищ генерал-майор, младший лейтенант Озеров, командир взвода первой роты, первого танкового батальона...

– Вольно, лейтенант, – машет рукой Власов, – Это вы таранили немецкий танк?

– Так точно, товарищ генерал-майор. Сейчас чинимся. Поскольку танк поврежден – оставлен командиром роты в охране моста.

– Молодец, лейтенант! – Власов поворачивается к свите. – Весь экипаж к награде, лейтенанту очередное звание. Серьезная поломка, лейтенант?

– Серьезная, товарищ генерал-майор. Без ремонтников нам самим не справиться. Танк еще ни разу не был в ремонте, а досталось нам, сами видите, – он показывает рукой на лобовую броню, покрытую вмятинами от снарядов, на которой почти не осталось краски.

– Ладно, лейтенант, чинитесь. Скоро ремонтники будут, – Власов поворачивается к подходящим двум офицерам-десантникам в рваной и грязной форме: полковнику и капитану с перевязанной головой.

– Командир 5-й воздушно-десантной бригады полковник Родимцев.

– Командир первого батальона капитан Симкин.

– Здравствуйте, Андрей Ильич! Рад вас видеть.

– Здравствуйте, Андрей Андреевич, а я-то как рад вас видеть!

– Досталось вам, как я понимаю, – Власов достает портсигар и протягивает полковнику и капитану, – Кажется, если бы мои ребята чуть задержались, могли бы и не встретиться. А ля гер, ком а ля гер.

– Да, еще чуть-чуть, и нам бы хана.

– Скажите спасибо немцам. Если бы не их склад с горючим, мои бы железные кони просто встали в нескольких километрах отсюда. От самой границы идем, ни боеприпасов, ни горючего, ни черта нет. У вас-то потери большие?

– Осталось сто шестнадцать человек, способных держать оружие, да и то почти все раненые.

– Да, – Власов молчит, осматриваясь. Бросает окурок, – Ваши бойцы остаются до подхода пехоты охранять этот мост. Мне надо идти. До свиданья, Андрей Ильич.

– До свиданья, Андрей Андреевич, может, еще свидимся.

Из дневника начальника генерального штаба сухопутных сил Гальдера

17 июня 1941 года.

6-й день войны.

По донесениям, к исходу вчерашнего дня и на утро 17.6 обстановка складывается следующим образом:

На фронте группы армий «Юг» обстановка продолжает ухудшаться. Советский десант, захвативший мост на Висле, пока не уничтожен. Танковые соединения русских движутся в направлении на Краков, почти не встречая сопротивления, остановить их не удастся. Положение 6-й армии еще хуже, с каждым днем опасность окружения становится все реальнее.

На фронте группы армий «Центр» вчера удалось рассеять выброшенный в районе Варшавы крупный парашютный десант. Войскам 4-й армии пока удается отбивать все попытки русских форсировать Вислу.

Группа армий «Север». Русские по-прежнему атакуют. Фельдмаршал Лееб держит оборону. Пока все без изменений.

11.00. Совещание по переброске войск. Основная проблема – нехватка транспорта. В первую очередь в самих дивизиях. Дивизии, находящиеся во Франции, невозможно быстро подтянуть к станциям погрузки.

13.00. Совместное совещание со штабом Люфтваффе. Вопрос о скорейшей передаче частей зенитной артиллерии. Там считают, что зенитная артиллерия должна остаться под командой Люфтваффе. Мы теряем время.

17.00. Совещание у Фюрера. Его беспокоит Краков и Восточная Пруссия. Обсуждался вопрос ускорения переброски войск в Германию и проблемы с боеприпасами.

18 июня. 11 часов 30 минут. Севернее Кракова

Через мост продолжали двигаться колонны советских войск. Медленно тянулись трактора с тяжелыми тупорылыми гаубицами. Проскочила колонна мотоциклистов, впереди которой шли два легких броневика. На рысях показался кавалерийский полк, прогрохотал подковами лошадей по мосту, за полком шли упряжки с орудиями. С громким тарыхтением появилась рота танкеток Т-27, чумадые танкисты сидели на броне. Потянулись грузовики тыловых частей. В небе над мостом непрерывно барражировали истребители, когда одна пара уходила ее сменяла другая.

– Шабаш, – произнес младший лейтенант Озеров.

Весь экипаж возился с танком, пытаясь своими силами произвести ремонт. Руки грязные по локоть, лица как у негров. Озеров сбежал к реке, рядом со стоявшим в воде немецким танком, который он сам же туда и спихнул, умылся кое-как.

– Ну что орлы, – сказал он, возвращаясь к машине, – А не пора ли нам пообедать?

– Самое время, командир, – самое время ответил механик-водитель ефрейтор Махотин, – Солнце уже вон где. И в животе урчит.

– У тебя все время урчит, – засмеялся заряжающий Ляпухин.

– Разговорчики, – начальственным баском прикрикнул ефрейтор на красноармейца.

Разожгли костер, повесили на рогатину черный закопченный чайник. Рядом с костром расстелили брезент, на нем на газету выложили буханку хлеба, с десяток вареных картофелин в мундире, коробок с солью, сало в тряпице и полукилограммовую банку трофейных консервов.

– Эй, земляки, – закричал наводчик Колесов, расположившимся у моста двоим десанникам, – Давай к нам. Мост не убежит, а вы я смотрю с утра тут. На голодный желудок-то оно не годиться.

Десантники переглянулись, перекинулись между собой парой слов, видимо сомневаясь, но все же подошли к танкистам. Все устроились на брезенте, стали есть.

Появился вдруг командир десантников, с ним двое бойцов. Сидевшие с танкистами десантники, которым положено было охранять мост, вскочили, с растерянными лицами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.